

Артем Тихомиров

Ожог

Арте́м Тихоми́ров

Ожо́г

«Автор»

2005

Тихомиров А.

Ожог / А. Тихомиров — «Автор», 2005

Преуспевающий беллетрист и школьница. Их сводит вместе случай и стремление как-то разрушить стены собственного одиночества. Неожиданно оба они оказываются втянуты в по-настоящему кошмарную историю. Призрак, сжигающий людей заживо, бродит рядом с ними. Жертв все больше. Может быть, разгадка тайны в дневнике самоубийцы, который попадает писателю в руки? Чьи кошмары видит девушка во сне? Когда кажется, что разгадка близка, выясняется, что все это время они не видели главного. Самих себя.

© Тихомиров А., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Пролог	5
Глава первая	10
Глава вторая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Артем Тихомиров

Ожог

Пролог

Лето прошло, испортилась погода и три дня назад в школе начались занятия. Для Дины ничего не могло быть хуже. Каждый сентябрь нового учебного года ввергал ее в депрессию, которая продолжалась, как правило, до самой зимы. Завтра по расписанию первыми стояли две пары русской литературы, и это еще не самое скверное, что может свалиться на голову.

Укутываясь тонким одеялом, девушка подумала: я ненавижу школу. Эта простая честная мысль с первого класса помогала ей справиться с внешним давлением. Дина смирилась с обстоятельствами, утешаясь в глубине души единственным фактом: этот сезон плохих оценок и нервозности будет последним. А дальше... никто не знал, что будет после выпускного класса. Пока у Дины не было никаких планов. Может быть, они имелись у родителей, да только она не имела об этом ни малейшего понятия.

За окном накрапывал дождь, ветер давил невидимыми пальцами на стекла. Дина могла поклясться, что слышит, как это происходит.

Нынешний сентябрь очень плохой месяц, к его концу произойдет много плохого. Это сезон смерти, последний рубеж для приговоренных.

Странно. Словно и не ей принадлежала эта мысль. Не прошло и недели, а осень почти свела ее с ума. Старая добрая депрессия нашептывает темные мыслишки. Есть ли иная причина хандрить?

Вопрос остается без ответа.

Дина чересчур устала, ей хочется спать, только спать, забыться до утра.

Бег сердца ускорился. Девушка поняла, что просто физически оно не способно биться с такой скоростью и силой. Лежа под теплым синтепоновым одеялом, Дина вздрогнула.

Кошмар стремительно расползлся по уходящему во тьму сознанию. Видение повторяется и знакомо до мелочей.

Дина уверена, что сейчас в здании никого нет. Опустили все девять этажей. Исчезли люди, исчезла мебель из их квартир, исчезли даже оконные рамы. Дом открыт со всех сторон, дрожит под напором ураганного ветра.

С тихим шелестом, похожим на звук падающих в парке листьев, разрушается реальность. Как Дина ни старается, она не может покинуть ее. Каждый раз бросается бежать в поисках выхода и наталкивается на невидимую мембрану, и та отбрасывает ее назад. Дина движется только в строго отведенных пределах. Кричит, зовет, но ни в одну дверь не постучишь, потому что дверей попросту нет.

Кто-то бежит по лестнице вверх.

Девушка ждет его на своем девятом этаже. И там, со сне, знает, что невидимке нужна именно она. Эта железная уверенность давит невыносимо.

Реальность продолжает распадаться. Шаги все громче и громче. Подошвы долбят ступеньки. Дина закрывает уши, но это не помогает, даже как будто наоборот. Топот, топот, топот усиливается, и невидимка с каждой секундой ближе.

Дина открыла глаза, осознавая, что она в своей комнате.

Наступило утро, белые занавески пронизывал сумеречный свет. Низкая кровать стоит у стены под окном. Дина медленно садится и тянет руку к тумбочке слева от себя, прислушиваясь к тишине. Долго не может нащупать стакан с водой.

Наконец, отдышавшись, она пьет. Одна капля сползает по подбородку и падает на белый пододеяльник. Красная. Дина смотрит на стакан в своей руке. В нем полно крови. Дина выплевывает то, что успела набрать в рот, но некоторая часть этой мерзости все-таки просачивается в желудок.

Кровь выплеснулась на одеяло, растеклась по белому отвратительными ручейками. Дина открыла глаза...

* * *

На дверной полке в холодильнике стояли йогурты, один с персиком, другой с вишней. Дина не думая взяла персиковый. По большому счету ей не хотелось ни того, ни другого, но возле плиты, разогревая пюре и котлеты, топталась мать. Дина не могла даже думать о еде, но чтобы избежать недовольного ворчания, надо было создать хотя бы видимость завтрака. Если дело дойдет до стычки, день будет испорчен у всех.

Дина почувствовала пальцами, какой йогурт холодный, и в желудке возник тяжелый комок. Словно это был тот стакан с кровью, из которого она пила во сне. В ту минуту Дина не сомневалась, что проснулась по-настоящему, а после того, как кровь полилась на пододеяльник...

По предплечьям Дины побежали мурашки, крошечные белые волоски встали дыбом.

Мать Дины накрыла сковородку прозрачной крышкой, положила на стол деревянную лопатку с загнутым концом.

Женщина присмотрелась к дочери, стоящей возле открытой дверцы холодильника. Дина словно отключилась. Голова склонена, в руке баночка йогурта.

Мать хмуро потерла лоб. Опять что-то с ней происходит, она такая с первого сентября – да и с прошлого и позапрошлого...

Дочь выросла неожиданно быстро, и иногда от этого становилось страшно. Надо что-то решать, что-то делать – искать для Дины дорожку в будущее. Женщина вздохнула. Но еще не время для серьезного разговора, надо посоветоваться с мужем.

– Ты чего?

Дина свела брови, потом обернулась, стараясь убрать с лица появившуюся гримаску. Ее прошиб пот. Невозможно было выносить, когда мать обращалась к ней таким тоном, будто она трехлетний ребенок. К тому же Дину вырвали из ее мыслей, а это все равно как если бы за ней подглядывали в замочную скважину.

– Ничего, – сказала Дина, закрывая холодильник.

Мать посмотрела на йогурт, который дочь поставила на стол.

– И это все? Ты больше не будешь ничего есть?

– У меня аппетита нет. Не хочу, спасибо.

– Ты же до двух часов уходишь. Неужели будешь голодом?

Женщина уткнула одну руку в бок, другой упиралась в край стола.

– Не до двух, уроков мало, – сказала Дина. – Потерплю. Или куплю что-нибудь. Что ты хочешь, чтобы я купила?

Мать отвернулась к плите, открыла кастрюлю, чтобы помешать пюре. Дина попробовала прожечь в ее спине дыру.

Женщина молчала и энергично размешивала пюре. У Дины от напряжения даже зачесалось между лопатками. Хоть бы отец вошел. И сколько можно бриться?

Он словно ждал этой мысли – шум воды за закрытой дверью ванной стих. Дина села на стул, открыла йогурт, испытывая неловкость, но ничего не могла сказать в свое оправдание. Да и зачем?

– Тебя не тошнит? Почему ты не ешь?

– Мам, я не беременная.

Никакой реакции, та даже не обернулась. Дина погрузила ложку в персиковый йогурт, помешала, вытаскивая на поверхность желтые кусочки фрукта. Тут в кухню вошел отец, у него в руках было полотенце, он вытирал им шею. Появился до тошноты знакомый запах лосьона после бритья.

– Дин, я тебя подброшу до школы?

– Подброшу.

Запах лосьона уничтожил аппетит на корню, но Дина заставила себя проглотить первую ложку йогурта, затем вторую, третью и так далее, пока не съела все. Почему она это делает, девушка не знала. Мать тем временем поставила перед отцом тарелку с едой. Он поблагодарил и раскрыл какую-то книжку по маркетингу, которую таскал с собой последнее время.

Мать бросила на Дину недовольный взгляд и села завтракать сама. Дина облизала губы, демонстративно медленно, встала, выбросила стаканчик в ведро и положила ложку в раковину. Отец ухмыльнулся, глядя в книгу, точно в теории маркетинга могло быть что-то смешное.

Мать взяла пульт и включила маленький телевизор, укрепленный справа от окна на стене, и отгородилась от мира.

Дина вспоминала свой сегодняшний сон, испытывая гадливое чувство – будто ее обмазали грязью. Видения такой реалистичности ее не посещали давно. В последний раз продолжительная серия связанных между собой кошмаров была полтора года назад. Дина думала, что наблюдает какие-то странные, не имеющие отношения к ней события, происходящие где-то в другом месте. Может быть, даже ловит, словно антенна, сны других людей и перерабатывает их в своем подсознании. Дина надеялась, что видения прекратились, сошли на нет точно так же, как проходят у подростков гормональные взрывы. Выходит, она ошибалась. Страх понемногу возвращался в ее жизнь, порождая панику, которую Дина умело маскировала. Как там будет дальше – неизвестно...

Все, хватит об этом думать, достаточно, что день начинается так плохо...

Она ощутила, как в голову ей бросилась кровь, на шее выступил пот, в горле пересохло. Дина ускорив шаг, вошла в свою комнату и принялась искать в рюкзаке коробку с прокладками. Как всегда, нужное удалось отыскать не сразу, пальцы постоянно натывались вовсе не на то. Стремглав Дина кинулась в туалет, расстегивая джинсы. Судорога в животе чуть не заставила ее расплакаться, но она сдержалась, укусив себя за предплечье. Боль отрезвила. Способ проверенный.

Дина напрасно боялась, что не успеет. Через несколько минут она прислонилась спиной к стене, дыша неровно, с присвистом. Привычные манипуляции почему-то сейчас вымотали ее и физически, и морально. Не хочу в школу, подумала Дина, закрывая глаза, и мысли неожиданно вернулись к человеку, который бежал по ступеням во сне. Она не могла определить, мужчина это или женщина. Уверенность была лишь в одном: невидимка стремился к ней. Что будет, когда он достигнет девятого этажа?

Резкий стук в дверь туалета подействовал на Дину будто неожиданная пощечина. Она чуть не вскрикнула, вздрогнув всем телом. Успокоившееся было сердце опять испуганно заколотилось.

– Дин, я собрался, пора, – сказал отец с той стороны.

– Сейчас...

Съеденный недавно йогурт выплеснулся из нее так быстро, что Дина еле успела направить струю рвоты в унитаз.

– Блин. Что попало вообще... – прошептала она, сплевывая.

* * *

Машина подъехала к перекрестку и остановилась. До светофора было не меньше пятидесяти метров, а обзор впереди загораживала задняя часть среднегабаритной фуры. Где-то раздавались сигналы клаксонов. Отец Дины проворчал сквозь зубы что-то по поводу своих коллег-автомобилистов, опустил стекло со своей стороны и на секунду выглянул наружу.

– Торчим. Пробка, – бросил он, не оборачиваясь.

Расположившаяся на заднем сиденье Дина промолчала. Она смотрела наружу сквозь закапанное дождем стекло и представляла себе, что находится на другом континенте. Или же на другой планете, где все происходит не так, как здесь. Ей пришлось бы по душе иная вселенная.

Это было красиво. Стекло прочерчивали волосяные полосочки дождевой воды, но они быстро сливались друг с другом, сглаживая приметы пространства. За этой завесой все казалось фантастически-нереальным. Будто и впрямь другой город, планета, галактика. Дина заворожено рассматривала фигуры пешеходов, проплывающие по тротуару справа от машины.

Отец вынул из пачки сигарету, закурил и уставился в свою книжку по маркетингу. Он словно и забыл, что не один в машине. Дина посмотрела на него и отвела взгляд, уловив свое отражение в зеркале у лобового стекла. Отсутствующе-хмурое лицо, челка прямо подстрижена над бровями, воротник рубашки, надетой под джинсовой ветровкой, похож на маленькую белую птицу. Дина сидела на равном расстоянии от дверей, справа от нее лежал рюкзак, на шее болтался телефон-«раскладушка».

Она снова взглянула на себя в зеркало.

... Неужели я такая сейчас – словно все проблемы мира на меня свалились?... Дина попыталась придать лицу иное выражение, но ничего подходящего в арсенале не нашлось. Я слишком привыкла к этой своей гримасе, меня, наверное, уже не воспринимают без нее. Надо будет потренироваться перед зеркалом, может, и выйдет толк... Девушка взяла телефон в руку, поглядела на часы. Похоже, придется опоздать на литературу, ничего с этим не поделать... О том, чтобы идти пешком под дождем не могло быть и речи... Что ж, Дина не возражала против нескольких минут в пробке – есть возможность сосредоточиться и поразмыслить кое над чем. Ее охватило ощущение покоя, мысли текли размеренно, вовсе не так, как было дома. Дина подумала о привлекательности дождя. В дождь лучше всего смотреть в окно. Раньше, бывало, она часами могла сидеть и рассматривать ливень из окна своей комнаты. Падающая с неба вода околдовывала.

И все-таки ее сны... Как Дина ни пыталась, она не могла представить себе, откуда взялся сегодняшний кошмар. Этот пустой дом, из которого исчезло всё и вся. Эхо от чьих-то шагов. И ужас от того, что некуда спрятаться... Дина, не моргая, смотрела в окно. Ноздри ее мелко подрагивали. Правая рука с силой сжала край джинсовой куртки, металлические зубчики молнии вдавились в подушечки пальцев. Девушка не заметила появившейся боли.

На крошечное мгновение она словно бы заснула, а когда открыла глаза, обнаружила, что сидит запрокинув голову. Рот открыт, лицо вытянулось... Дина выпрямилась, глядя на отца огромными прозрачными глазами. Что он заметил? Что произошло?... Отец читал, но сигареты у него уже не было. Выкурил.

Дина посмотрела на время, но это ничего ей не дало. Тогда, подвинувшись, к правой дверце, она опустила стекло и выглянула наружу. Пробка все еще была, однако их «Форд» продвинулся к перекрестку почти наполовину прежнего расстояния.

Дина заметила, что дождь почти закончился. Вдоль бровки тротуара текла грязная вода, исчезающая за решеткой ливневой канализации.

Дина снова посмотрела на отца, ожидая вопросов, усмешки, озабоченной мины, и ничего не дождалась. Неужели не заметил этого? И что со мной такое? Не помню, чтобы раньше было

так... Дина обхватила плечи руками, казалось, температура в салоне «Форда» упала. По спине прошла легкая судорога.

Она потеряла несколько минут, не меньше трех. Отключилась.

Что же я делала в это время? Что видела?

Глава первая

1

Как только Максим уселся на диван перед телевизором, раздался телефонный звонок. Писатель хмуро посмотрела на аппарат, держа на весу высокий стакан с холодным пивом, которым намерен был заняться. Ну что за напасть!

Он ждал, что сигналы прекратятся. Чего сегодня не хотелось делать точно, так это вступать в контакты со знакомыми, издательской братией и всеми прочими.

Ладно, можно, по крайней мере, посмотреть, кто звонит. Максим поставил стакан с пивом на столик, вздохнул и пододвинулся к аппарату, чтобы взглянуть на определитель номера. Странно. Максим не ожидал, что услышит этого человека именно сейчас. Странно и забавно.

Подумав пару секунд о том, что как дурак до сих пор не обзавелся автоответчиком, Максим взял трубку в руку.

– Привет!

– Не думал, не гадал... Привет, как жизнь молодая.

– Ни шатко, ни валко, – ответил человек с другого аппарата. Голос не казался слишком веселым.

– А что так?

– Потом расскажу. Я долго не звонил, все вот не получалось, извини...

– Да ничего, – пожал плечами Максим, – у каждого своя жизнь.

Дмитрий Кочнев, давний друг, не слишком удачливый актер и одно время сокурсник Максима Снегова, ненадолго замолчал. Пока длилась неясная пауза, Максима дотянулся до стакана с пивом, понюхал и сделал глоток. Питье заломило зубы. Потрясающий вкус.

– Слушай, я заеду к тебе сейчас? – спросил Дмитрий.

– Сейчас? – Да, не слишком удачная идея, однако что-то в голосе старого приятеля не позволило Максиму сказать «нет». – Ну ладно, давай...

– Ты занят? Работаешь?

Максим отпил пиво, глядя в телевизор. Значит, о счастливом отдыхе можно забыть. На сегодня как минимум.

– Нет, сейчас я свободен, чего уж там. Приезжай.

С другой стороны, оно и неплохо, подумал писатель. Все равно надо проветриться, а лучше всего это делать в чьей-нибудь компании.

Личный опыт доказывал, что лучший отдых от интеллектуальной работы – продолжительное ничегонеделание. Мозг нуждается в разгрузке, а сознание в очистке от образов и мыслей, из которых сплетался мир очередного романа. И не всегда квартиранты соглашались съезжать по первому требованию.

После положительного ответа голос Дмитрия стал веселей.

– У меня кое-что есть тебе показать. Интересное... – сказал он.

– Что?

– Увидишь, когда приеду... – ответил Кочнев. По его тону было ясно, что он широко улыбается.

– Хорошо, тогда жду. – Максим услышал в трубке короткие гудки. Глотнув еще пива и подозрительно покосившись на телефон, он вернул трубку на место. Как ни крути, а автоответчик нужен. Максим подумал, что, может быть, сходить за ним сегодня, но решил не спе-

шить. Сначала он пообщается с приятелем, если ему так нужно, посмотрит, что интересное тот принесет.

Дмитрий всегда был с причудами, таким Максим его знал со времен учебы на факультете русского языка и литературы. Старый добрый Педагогический Университет. Что ж, если Кочнев говорил, что у него имеет сообщить нечто из ряда вон выходящее, то так оно и есть. Максим не мог сказать навскидку, сколько времени прошло с тех самых пор. Сейчас ему почти тридцать два, а университет он закончил когда ему было... двадцать два. Десяток – не шутка, если разобраться. Потом попытка учиться в аспирантуре. Неудачная попытка – после пяти лет учебы взваливать на себя преподавательскую нагрузку вкупе с написанием диссертации и зубрежкой было выше его сил. Максим почти смирился с тем, что придется идти в армию на год офицером, но его не взяли по здоровью. Выявили язву желудка. Неприятно, но не смертельно. Профессиональная болезнь интеллектуалов с амбициями.

Кочнев учился со Снеговым первые два курса, и немного на третьем. Его безалаберность сыграла ему плохую службу, он не представлял себе, как многие студенты поначалу, что будет так трудно. Как правило, первые два года на гуманитарных факультетах самая тяжелая нагрузка, а Кочнев к тому же любил заложить за воротник. Максим всегда охотно общался с ним, часто и выпивал, но так и не прибил к той компании, от которой ничего не осталось уже к половине третьего курса. Всех отчислили, включая Дмитрия. Максим считал, что его приятель должен со все возрастающей скоростью покатиться по наклонной плоскости, но этого не случилось. Кочнев взялся за ум, поступил в Театральный Институт, закончил его и стал актером. Если к чему и были у него способности, так это к игре.

Их пути и разошлись, правда, не навсегда. Дмитрий то появлялся ненадолго на горизонте, то исчезал, словно призрак. Каждый жил своей жизнью. Максим знал, что Кочнев работал во многих маленьких театрах Екатеринбурга, и часто уходил с насиженного места. Четыре года назад, после развода, он снова начал прикладываться к бутылке. Не то что бы до этого он не брал капли в рот, просто теперь начались запои.

Максим не мог вспомнить точно, когда Кочнев выходил на связь в последний раз, но не меньше чем девять месяцев тому назад. Писатель чувствовал, что позвонил приятель, несмотря на интригующее заявление, не от хорошей жизни. Чаще всего Дмитрий искал его поддержки в трудные времена.

Максим ополовинил стакан и отправился на кухню достать из холодильника копченую скумбрию. Надо было решить, как попотчевать гостя. В чем не было недостатка, так это в пиве, и Максим подумал, не будет ли чересчур, если сегодня приятель опять нарежется благодаря ему. Ничего толком не решив, писатель собрал на скорую руку закуску. Настрогал салат из свежих овощей, нарезал колбасы и сыра, разложил по тарелкам и убрал в холодильник.

Ожидая Кочнева, Максим пил пиво и расхаживал по комнате. Он перестал обращать внимание на телевизор, интерес к нему пропал одновременно с надеждой спокойно провести сегодняшний день. Тишина в его трехкомнатных апартаментах навевала тоску, Максим часто ловил себя на том, что она действует ему на нервы. Появлялись ненужные и опасные вопросы, тянуло анализировать прошлое и задумываться о будущем... Максим не любил строить долгосрочных перспектив, раньше он считал это занятие для неуверенных в себе людей. Но вот сейчас у него есть уверенность в себе – и что же? Тишина и одиночество давили на психику. У Максима не было даже кошки.

Во время напряженной работы над романом, он не чувствовал пустоты вокруг себя. Его окружали призраки созданных им героев, Максим сам находился в гуще событий и мало отражал реальную действительность. Погружение в писательские грезы было полным, он сознательно вызывал в себе это похожее на долгий транс состояние. В конце концов для него, профессионального беллетриста, не было иного выхода. Писательство давало ему возможность иметь свой хлеб с маслом.

От дома Кочнева до холостяцкого гнезда Снегова было полчаса езды на трамвае, это, конечно, без пробок. Но днем их и не должно быть – времени сейчас половина второго. К тому же при теплой погоде народа в транспорте, как правило, меньше.

Максим остановился, ощущая легкий сквознячок в голове. Пиво было некрепким, и давало как раз ту невесомую воздушную эйфорию, которая нужна была ему, чтобы расслабиться. Ждать еще неизвестно сколько. Максим вернулся на диван, вытянул ноги с довольной усмешкой.

Позавчера он завершил новый роман, и был уверен, что вещь получилась куда качественней, чем предыдущая. Три месяца назад, еще набрасывая план, Максим чувствовал прилив вдохновения. Пришло оно, правда, не сразу, но в конечном результате Снегов был доволен. Идея, пришедшая ему на ум во время похода в супермаркет, за короткий срок превратилась из обыкновенного полуфабриката во что-то неизмеримо большее. Одно тянуло за собой другое. Возникнув из небытия, главный герой открыл дверь для других. Так появился антагонист – и пошло-поехало.

Писалась вещь легко, хотя очень долго, почти до половины, не имела названия. Все складывалось как бы самой собой. Это был тот редкий случай, когда в задачу писателя входит перекладывать на бумагу то, что идет в его голову откуда-то извне. Максим не верил в теорию, что кто-то диктует пишущему, но придерживался схожего мнения. Любой литератор, получающий удовольствие от своей работы, испытывающий вдохновение, подключен к некоему источнику. Возможно, это глубинные слои воображения, куда нет доступа в обычных условиях, места, где обычно и делается вся черновая работа. Когда более или менее пригодный материал выходит на поверхность, писатель просто фиксирует его, обрабатывает, придает ему форму. По мнению Максима, новая его книга писалась именно так.

К редакции черновика он намеревался приступить не раньше, чем через десять дней. Необходимо было дать файлу отлежаться, «инкубационный» период давал возможность выявить все недочеты и нестыковки. Максим придерживался своего распорядка, выработанного за последние десять лет напряженного труда на ниве беллетристики. Его литературная жизнь так или иначе вписывалась в определенную схему. Излишняя механистичность, конвейерность иногда начинали ему надоедать, но Максим настолько привык к своему образу бытия, что вряд ли сейчас сумел бы приспособиться к другому. Отчасти поэтому он не предпочитал оставаться холостяком. Перемены, которые повлек бы за собой брак, пугали его уже при первом рассмотрении. На сегодняшний день Снегов не знал, как ему удалось бы поделить душевные силы между писательством и женой, между любимым делом и семейными обязанностями. Иной раз, задумавшись, Максим очень тяготился такой дилеммой.

На фоне всего этого оставалась одна главная проблема. Одиночество. Не потому ли Максим обратился за помощью к Интернету? Ответ скорее всего положительный, хотя Снегов боялся себе в том признаться. На сайт службы знакомств, где люди искали друзей по переписке, он забрался месяца четыре назад. Максим был пьян – отмечал с коллегой в кафе выход его книги, – поэтому соображал не очень. При этом у него хватило ума не связываться с разделом, где люди разыскивали спутника жизни. Его больше привлекала переписка. Не видишь глаз собеседника и думаешь, что у тебя есть право разговаривать с ним откровенно. Впрочем, к этому способу общения прибегают многие люди подобные ему. Одинокие.

Тогда Максиму удалось завести четверых друзей по переписке, однако вскоре трое из них отпали сами собой. Письма прекратились. Остался один человек, с которым Максиму было интересно. Видимо, чувство было обоюдное – писатель чувствовал расположение, которое испытывает к нему виртуальный собеседник. Много о нем Максим не знал. Электронная почта тем и хороша – ты можешь оставаться анонимом.

Максим взял пульт и переключился на другой канал. Футбол его не интересовал. Собираясь перескочить дальше, он услышал звонок по домофону.

2

Дмитрий Кочнев стоял на резиновом коврике перед входной дверью и улыбался. На нем была засаленная замшевая куртка, когда-то давно Максим ее видел, она выглядела лучше. Да и сам актер выглядел не таким потасканным, как сейчас. Даже в полумраке Максим заметил глубокие синяки у него под глазами и трехдневную щетину. Давно нестриженные, но чистые волосы, разметались от ветра да и остались в растрепанном виде.

– Привет.

– Привет. – Дмитрий, войдя, пожал его руку.

Максим закрыл двери и пригласил приятеля проходить. Актер молча снял куртку, повесил ее на крюк, оставшись в полосатой рубашке без рукавов. Из внутреннего кармана вынул что-то свернутое в трубочку. Максим мельком разглядел эту вещь, похожую на общую тетрадь, и отправился на кухню.

– Пиво будешь, холодное? Рыбкой закусим...

Ответа долго не было, Максима, думая, что тот не услышал, высунулся из кухонной двери в прихожую. Дмитрий стоял возле залы, нерешительно переминаясь с ноги на ногу.

– Ну так что?..

– Давай, – сказал Кочнев.

И прошел в большую комнату. Максим хмыкнул, отмечая с профессиональным любопытством, что приятель выглядит изможденным, прямо-таки измученным. Наверное, в театре много работы, репетиции днем и ночью, да мало ли. Писатель увидел и еще кое-что. Казалось, Дмитрий враз постарел на несколько лет.

Болен? Или только что вышел из очередного запоя? Максим выставил тарелки с закуской на стол, достал две банки пива. У Дмитрия какие-то проблемы, он пришел за помощью, это хорошо заметно по его вымученной улыбке.

Максим поставил перед приятелем тарелки и пиво, придвинул кресло к столику, выключил телевизор. Актер оказался напротив него. При свете дня все то, что увидел за пару минут до этого Максим, было отчетливей. Писатель нацепил свою собственную улыбочку.

– Что новенького? – спросил Кочнев.

– Новый роман закончил, буквально на днях. Можешь поздравить.

– Поздравляю.

Приятель открыл пиво, чокнулись банками. Максим увидел, что вещь, похожую на тетрадь, Дмитрий куда-то спрятал. Возможно, уселся на нее. Снегов едва удержался от вопроса.

– Как называется?

– «Иней на клинках». Фэнтези.

Кочнев кивнул, продолжая улыбаться. Максим сделал еще одно открытие: из него будто выкачали жизненную силу, чего-то катастрофически не хватало. Словно лампочка, горящая вполнакала, Дмитрий потускнел.

Чтобы изгнать нарастающую тревогу, Максима сделал большой глоток пива.

– А вот меня из театра турнули.

– Это как? С чего бы это?..

– Директор сказал, что за пьянство... Но это неправда. Ничего такого не было. – Кочнев отвел взгляд в сторону, отхлебнул пива. – Ну, скажем, не так... Я воткнулся в запой в августе, и не меньше недели не выходил. А там у нас премьера намечается, как раз я попал под конец работы... Думал, что это мне уже не повредит – материал мне известен, ничего сложного – ночью меня подними, текст прочту. – На щеках Дмитрия возник и сразу потух румянец. – Я и вышел без проблем, к тому же репетиций почти не пропускал, а потом они и начались, проблемы-то, – все как по нотам. Директор давай говорить, что давно меня предупреждал и

все прочее в этом духе. Кое-кто из наших начал подпевать, некоторые только и ждали случая, крысы. Я понял, к чему все катится и попробовал с ним поговорить по-хорошему, а он и слушать не стал.

– И уволил? Не вникнув?

– С его точки зрения он прав. Да и формально тоже он прав... – Кочнев отправил в рот кусок копченой рыбы. – Что-то со мной неладно, не понимаю. Директор и учуял, что у меня крыша едет...

– Не понял.

Кочнев провел рукой по лицу, тряхнул головой.

– У меня бессонница, уже довольно давно... Точно не помню. Сначала сон стал плохой, долго заснуть не мог. Раньше такое было, а со временем проходило... Да ерунда.

Актер поднял банку, приглашая приятеля чокнуться опять. Максим не поддержал его.

– погоди, как это ерунда! Расскажи до конца... – Кочнев поджал губы. – Ну ты же пришел не просто чтобы посидеть... Я же вижу, ты совсем сдал, мужик.

– Ну и что, что я не сплю? Пройдет, просто черный период у меня. Выкарабкаюсь. Уволили – черт с ними, не заплачу.

– Все равно говори, – потребовал Максим.

– Ну что, что... Не сплю совсем, валяюсь в постели, голову ломит, иногда начинаю задыхаться. Утром еле встаю, сил нет, и болтаюсь целый день как зомби, ничего не соображаю. Вчера даже забыл, что хотел заскочить на телевидение поспрашивать насчет халтуры. А потом подумал, что меня даже в рекламу с такой мордой не пустят – людей пугать только.

– Обследовался? Может, заболел. Бессонница, между прочим, болезнь.

Дмитрий откинулся на спинку дивана, пиво немного расслабило его.

– Ненавижу врачей, больницы и все в этом роде. Не пойду. Само кончится. Это после запоя, нервы просто ни к черту...

– Сон пропал после увольнения?

– Да нет, говорю же. До него.

Максим прищурился, разглядывая приятеля.

– Какого именно числа?

Кочнев помотал головой.

– Не помню. Сегодня какое?

– Четвертое сентября, четверг.

– Ага... – Актер подумал. – Все равно не помню. Понимаешь, сначала кошмары стали сниться, реальные очень... Вот уж где помучился. Иногда, бывало, от собственного крика просыпался. Открываю глаза. Сердце бухает, пот градом... короче, как свинья, весь мокрый.

– А что снилось?

– Всякое. Большинство не помню. – Дмитрий рассмеялся. – Я даже записывал кое-что, чтобы не забыть... Просто даже интересно было. Ну, снилась мне вся эта дрянь где-то неделю-полторы, а сейчас вот вообще сна нет, ни в одном глазу. Один раз выпил перед сном чекушку водки – и до утра метался по квартире, думал, с ума сойду. Спать тянет, но не могу, хоть тресни... Ну, давай, за встречу, все-таки давно не виделись...

Максим легонько стукнул своей банкой о банку приятеля. Ледяное пиво проскочило в желудок.

– Слушай, но если это будет продолжаться, то...

– Что? – спросил Дмитрий.

– Вот и я спрашиваю. Что? Люди без сна сходят с ума, просто сходят с ума, понимаешь. И это не литературная гипербола – факт!

Кочнев провел рукой по волосам.

– Да вот и сам думаю. Что-то с этим надо делать. Только что?

– Ты точно не болен?

– Как я тебе без обследования скажу... А если болезнь, то может быть и рак.

– Сплюнь, – сказал Максим.

– Если раковым клеточкам надо к кому-то прицепиться, то они не посмотрят на твои плеванья.

Максим думал, выдвигал в уме одну версию за другой, не находя подходящей. В принципе, фактов было чересчур мало для того, чтобы соорудить более-менее устойчивую конструкцию. Наверняка приятель многое скрывал.

– Короче, что-нибудь придумаю, не парься, мужик, – сказал Кочнев. – Ты лучше погляди на это.

Максим хмуро посмотрел на него. Все, что он только что услышал, сильно подействовало на него. На душе заскребли кошки.

Дмитрий вытащил из-за ремня на пояснице то, о чем Максим и забыл уже. Толстую общую тетрадь в девяносто шесть листов, с клееным переплетом. Края поистрепались. Тетрадь была с черной обложкой, старая, таких Максим давно уже не видел.

– Интересная вещица, – сказа Кочнев, улыбаясь. Видимо, заметил интерес в глазах писателя.

– Мда?

Максим положил ногу на ногу. Нет, дескать, меня так просто не купишь.

– Это дневник самоубийцы. – Актер открыл тетрадь и на первой странице, подстроив голос, прочитал: – «Дневник. Ксения Авеличева. 1997 год. 12 декабря. Мне сегодня пятнадцать лет исполнилось».

– Ну и что?

– Как это? История жизни! Знаешь, тут много чего есть... ну, интим всяческий, то, что женщина, допустим, никогда не расскажет мужчине, даже любовничку. Есть очень интересные моменты, которые я хочу использовать для пьесы.

– Пьесы?

– Да, есть такая мыслишка, кое-что написать. Я даже начал. Первые две сцены настроил и немного завяз... Вот, пишу на основе этого – ну, не целиком, а используя атмосферу, мотивы какие-то. Тем и привлекает, что это по-настоящему было. – Кочнев нервно перелистывал толстую тетрадь в черной обложке. – Я чувствую, как на некоторых страницах бьется жизнь, даже вот если положить подушечки пальцев на строки, кажется, что это пульс.

Максим почувствовал, что время сходить еще за одной банкой пива.

– Ты будешь?

– Да! – Лицо Дмитрия покраснело, впавшие щеки окрасились в темно-розовый. Так выглядит не очень свежее мясо.

Максим почувствовал мандраж, ноги потяжелели. В квартире даже как будто запахло чем-то необычным; он сидел и слушал приятеля и ему казалось, что он попросту спит с открытыми глазами. Слова Кочнева каким-то образом гипнотизировали. Писатель подошел к холодильнику, открыл его и сунул голову в холод.

Сейчас меня понесет, а завтра я прокляну этот день, подумал Максим, не понимая, радоваться ему или злиться. Ощущения нельзя было описать даже приблизительно.

Холод помог немного придти в себя. Максим словно очнулся от обморока, удивившись тому, насколько это реальное ощущение. Так! Надо собраться, сосредоточиться. Кочнев рассказывает о чем-то... каким словом можно это определить?... Ну же, писатель!..

Противоестественном.

И что за бред сивой кобылы про пульс, бьющийся под строчками?

Максим вернулся в комнату, неся еще две банки пива. Дмитрий уже попил свое и поставил пустую тару на пол, на ковер. Его глаза метались по строчкам внутри черной тетради.

– Дневник начался в ее день рождения. Думаю, в этом что-то есть. Спасибо... – Он взял протянутое пиво.

– У кого день рождения?

– У Ксении Авеличевой.

– Погоди, погоди, придержи коней немного. Ты же сказал, что она – мертвая...

– Ага. Покончила с собой год тому назад.

– С чего бы?

Максим отправил в рот одновременно кусок сыра и кусок колбасы.

– Я еще не знаю, до конца не дошел. Может, этого здесь и не будет. Но мне сказали, что она повесилась на дверной ручке. Ничего себе, да? Я вот себе такого представить не могу... Когда откуда-то сверху тело падает, все ясно. Вес помогает. А здесь.

– А откуда у тебя тетрадь?

– Да так, приятель один дал... – Дмитрий махнул рукой. – Леха Елисеев, может быть, я тебе про него говорил. Работал я с ним в театре, а потом он ушел на пятьдесят первый канал, сейчас утренний эфир ведет.

Максим попробовал вспомнить всех ведущих на Канале 51.

– Вроде знакомое имя.

– Да его каждый день можно там увидеть. Ну такой, белобрысый. Он мне ее и дал, мы с ним в кафе встречались, числа семнадцатого, случайно, правда, получилось, а потом поехали к нему домой, там продолжили. Утром он мне говорит – возьми, пригодится для пьесы. Я ж ему все выболтал, что хочу накропать шедевр, да через знакомых в театр пропихнуть.

Максим кивнул. Информация попадала в его голову и сваливалась в одну кучу, безо всякой системы. Пиво не располагало к напряженной умственной работе. К тому же писатель не думал, что это ему особенно нужно. «Интересная вещичка» Кочнева немного его разочаровала, хотя в целом интерес был.

Неприятное чувство не проходило. Максим всячески сторонился того, что имеет отношение к смерти в реальной жизни. Книги, фантазии – другое дело. По-настоящему это все просто омерзительно.

– А к нему попала тетрадь случайно. Он поссорился и разошелся со своей девушкой, а она забыла вот эту штуку... Уехала к себе домой в Нижний Тагил.

– А к ней как попала?

– Я так думаю, что девушка Елисеева знала самоубийцу, Ксению эту. Дружили, наверное.

– Ясно... Сколько Авеличевой было лет, когда она удавилась?

– Лет?.. – Дмитрий принялся листать дневник. – Насколько я хоть что-то понимаю, на момент смерти ей было... двадцать два года. И чего не жилось, да, молодая девка, красивая, наверно?

Максим pokrивился – реакция была произвольная. Стиль приятельских речей отдавал сенсациями из желтых газеток. Почему-то Снегову так показалось. История, как говорил ему его писательский опыт, не стоит и выеденного яйца.

Кочнев поднял брови.

– Ты чего?

– Так.

– Будешь дальше слушать?

– А есть что?

Максим встал и взял с серванта пачку сигарет, принес пепельницу, предложил приятелю закурить. Он хотел, чтобы Кочнев прекратил заниматься ерундой. Но не мог и рта раскрыть.

– Не особенно, – сказал Дмитрий. – Я хотел, чтобы ты помог мне с пьесой... Нет, не писать. Когда закончу, то посмотри и скажи, что там и как. Я в построении мало что понимаю – сколько ролей учил, но ведь там на другое смотришь. Сможешь?

Максим прокашлялся и задымил сигаретой. Кочнев последовал его примеру.

– Пожалуй. Сколько там тебе еще писать?

– Много. А с этой бессонницей не знаю, как быть. Не могу сосредоточиться. Сажусь писать, открываю дневник, просматриваю... Взгляд уходит, потом темнеет перед глазами. Вчера думал, что в обморок упаду. Примерно то же, что ночью происходит.

– Что у тебя там по сюжету? – спросил Максим.

– Не умею я их пересказывать. Ну, живет девушка в одиночестве, и понемногу сходит с ума, у нее будто стены вокруг, куда ни пойдешь, везде плохо... Непонимание, злоба со стороны. – Кочнев с виноватым видом развел руками. – Когда пересказываешь, всегда получается банальщина всякая.

Максим кивнул, понимая, что придется им обоим с этой пьесой повозиться изрядно. Он не знал пока, что там в дневнике, есть ли вообще какая-нибудь опора для мысли, есть ли рубежи, от которых можно идти дальше. Переработка реальных фактов – каторжная работа, ты вторгаешься в область, где действуют неизвестные для тебя законы. Очень самонадеянно думать, что все получится легко и просто. Тот мир, к которому имеет отношение то или иное событие, обладает мощной гравитацией. Трудно удержаться на его орбите. Тебя может оттолкнуть в мировое пространство, либо притянуть и сожрать с потрохами. Если же выберешь оптимальную траекторию, тебе повезет. Хотя не факт. Не каждый профессиональный литератор способен работать с тем, что когда-то происходило в действительности. Правда – упрямая вещь.

Кочнев имел смутное представление об инструментарии, необходимом писателю, в независимости от направления, в котором он работает. Максим не имел привычки распространяться подробно о своем ремесле в среде дилетантов и с осторожностью относился к тем, кто утверждал, что писать – дело плевое. Только сел – и поехало. Вообще, от подобных типов, считал он, нужно было бежать – и как можно быстрее.

Хотелось надеяться, что Дмитрий так не думал. Иначе объяснить ему какие-то ключевые положения ремесла будет нелегко. Дилетант всегда встает на дыбы, когда кто-то пытается указать ему на его ошибки. Кочнев всегда был достаточно рассудителен и самокритичен – возможно, он и доведет дело до конца. Его стремление понятно, Максим был далек от того, чтобы осуждать приятеля, попавшего в трудное положение. Все-таки человек в очередной раз остался без работы. С другой стороны, стремление переметнуться, пускай и на время, в стан пишущих, могло оказаться обыкновенной блажью. Максим знал Дмитрия и в такой роли: любителя побахвальствовать, покрасоваться, продемонстрировать свое всезнайство и талант. Актером он был неплохим, но и только. В остальных вещах Кочнев разбирался весьма поверхностно.

Максим сбил пепел, затянулся.

– Хочешь, прочту немного? – спросил Дмитрий.

– Э нет. – Писатель поднял руку. – Не сейчас, погоди.

Максим откинулся на спину и посмотрел в потолок, ловя ускользящую мысль. Пиво старательно делало свою работу.

– А кем она была в свои двадцать два года?

– Да никем особенно. Училась на четвертом курсе Университета, – сказал актер. – Исторический факультет.

– На четвертом она должна была быть в этом году, или была в прошлом, когда повесилась?

Дмитрий полистал тетрадь, рассматривая даты и шурясь, словно близорукий. Наверное, глаза устали, подумал Максим. Бессонница – не шутки. А он еще хорошо держится, хотя прошло много времени... Что же все-таки происходит?

– В этом году она бы выпустилась... по-моему, так. Раз прошлым августом у нее были каникулы, значит, это перед началом пятого курса. Судя по дневнику, Ксения не очень-то этому радовалась. Пишет, что она очень устала, что ей все надоело...

– Типично для суицидника, – сказал Максим. – Кончают с собой, как правило, те, кто устал от борьбы с этим миром... Но это если была борьба.

– Вот именно, – сказал Кочнев. – Тут все сложнее. И, кстати, несколько листов из дневника потерялись. Их вырезали, будто бритвой.

– Ну, не понравилось то, что было написано, – предположил Максим. – Я-то уж знаю, как это делается. У этой Ксении был компьютер?

– Не знаю, без понятия.

– Если был, то почему она писала не там, а в этой допотопной тетради?

Дмитрий пожал плечами, думая о том, как множатся вопросы, как лавина вопросительных знаков захлестывает его сознание. Он уже пробовал представить себе эту девушку, но воображение ничего ему не подсказывало. И хуже всего – Дмитрий не мог выдвинуть хорошую версию ее смерти. Страницы отсутствовали, это бросалось в глаза. Но был ли в них ключ к разгадке?

Без четко просматриваемых мотивов он не сумеет привести сюжет пьесы к логичной развязке. Ударить в грязь лицом перед приятелем-беллетристом не хотелось.

– По-моему, все это не имеет значения... Сам посуди, какая разница? Может, и был компьютер, а может, не был. Взяла она первую попавшуюся тетрадь и начала писать. Ведь посмотри – 1997 год, это ей было пятнадцать лет! Такие тетради были еще в ходу.

Максим посмотрел на него.

– А вот для того, чтобы показать твою героиню по-разному, надо сделать отсылку к прошлому. Есть там что-нибудь о ее семье?

– Есть, немного, правда.

– Внимательно проштудируй. И следи за логикой.

– Как раз с этим и проблема, – сказал Кочнев. – Каждое утро я чувствую, как моя голова делается тяжелее, мысли путаются...

Максим видел теперь, что приятель находится на грани нервного срыва. Его улыбающаяся депрессия была весьма красноречивой. Нервная система не может так долго выносить подобную нагрузку. Что будет с Кочневым через два или три дня? Если размышляешь над этим серьезно, становится жутко.

– Я пробовал спать в метро, садился на первый попавшийся поезд и ехал до конца, там пересаживался и двигался обратно. Думал сделать наоборот: если не могу спать дома, в спокойной обстановке, то, может, сработает среди людей... Я всячески старался. Метро не помогло. Я пробовал спать в автобусах и трамваях, да только деньги зря потратил. Кажется, уже галлюцинации начинаются.

– Какие? – По спине Максима волной прошли мурашки. Взгляд приятеля стал пустым, нацеленным в замочную скважину, недоступную чужим глазам. Может, он что-то там видел?..

– Пальцы, подушечки у которых сине-черные... Близко так, словно я оператор и снимаю эти руки на камеру крупным планом. Они лежат на полу, точно их кто-то уронил, кто-то, у кого нет больше сил... сопротивляться. Что это такое может быть?

– Не знаю, – сказал Максим.

– Я и ночью это видел. Как вспыхивает вдруг в голове. – Дмитрий надавил на правый висок, зажмурился. – Обрывки... яркие образы, точно клип... – Актер тихо рассмеялся. Максим вдруг представил всю безнадежность, отчаяние, безвыходность его положения.

Все-таки, наверное, он болен, и это серьезно. Но как его убедить пойти в больницу? Ведь этот ошолоп не слушает. Ему хоть кол на башке теши...

– Снотворное...

– У меня от Аллы осталась целая коробка лекарств. Антидепрессанты там тоже есть, я и их глотал – без толку. Даже как будто наоборот, силой подзаряжаюсь. Дурдом, короче говоря.

– Может, ты как раз и переборщил с лекарствами.

Сине-черные подушечки пальцев... Дело серьезное, если появились галлюцинации. Максима рылся в памяти, пробуя отыскать все, что ему известно об отравлениях, вирусных заболеваниях и психозах. Психозы часто сопровождают серьезные повреждения организма после приема ядовитых веществ. Под воздействием химикатов происходят изменения в мозге, нарушается кровообращение, отмирают клетки. А дальше – многие виды помешательства, вплоть до прогрессирующей дегенерации, в зависимости от тяжести отравления.

Вряд ли, конечно, это вызвано в случае Кочнева с приемом лекарств. Он стал пить их после начала проблем со сном. Значит, наиболее вероятная версия связана с болезнью. Тут медицинские познания Максима заканчивались. Он не писал детективов, поэтому не изучал специально ни судебную медицину, ни раздел ядов, ни то, что касалось неизлечимых и тяжелых заболеваний.

Дмитрий, кажется, уловил его напряженный изучающий взгляд, и Максим отвернулся. Достал новую сигарету.

– Может, ты и прав, – сказал он.

– В чем?

– Если мне осталось недолго, то... пьесу с твоей помощью я напишу. Прославлюсь посмертно.

Максим улыбнулся, но внутренне шутку не разделял. Слишком велика была угроза.

Он посмотрела на черную тетрадь в руке приятеля. Тот положил ее рядом с собой на диван.

– Я не тот, кто заглядывает в конец, мне нравится ходить по новым местам, – сказал Кочнев. – Я пока только на половине.

И как же ты начал писать, если не знаешь историю до финала, подумал Максим, но смолчал. Дмитрий всегда был с неким вывихом в голове.

– Хватит об этом говорить. Если не возражаешь, я сегодня напьюсь. Может, это поможет мне заснуть, – сказал Кочнев. – Вдруг сегодня получится.

Хорошая мысль. Максим уже заранее готовился к завтрашнему утру.

– Только убери это куда-нибудь, хотя бы в куртку. – Писатель показал на тетрадь. – И мы сходим еще за пивом.

3

Через много часов, ближе к ночи, Максим понял, что пора заканчивать. Он добрался до спальни, упал на свою кровать поверх покрывала и стал проваливаться в глубокий пьяный сон. Продвижение в глубину было остановлено позвякиванием какого-то невидимого механизма в голове. Что-то он упустил. Помучившись, через пару минут Максим открыл глаза и вспомнил, что забыл захватить с собой попить. Ближе к утру у него всегда начиналось похмелье и самый его сильный синдром – дикая жажда, которую могло породить только пиво.

Максим поднялся. Чтобы более-менее передвигаться в стоячем положении, ему пришлось держаться за стены, и то казалось, что они все время ускользают из-под пальцев, словно живые. Дважды, когда сильно кружило голову, Максим чуть не падал в коридоре.

Давно уже он не позволял себе напиваться дома. Да, но ведь разве это не маленький праздник в честь окончания романа? Пусть будет так... Его разобрал смех. Максим стоял, прислонившись к стене, и хихикал тонким голосом. В голове раскручивалась центрифуга, затягивающая в себя квартиру, дом, окружающий мир.

С того момента, как Дмитрий появился у него дома, прошли часы, но ощущения были совсем иными. Организм писателя измерял это время днями, неделями и месяцами. Сколько они вдвоем выпили, Максим не знал, последние банки открывались очень часто и о их существовании забывали через пару минут, чтобы откупорить новые. Где-то в большой комнате стоял целый легион алюминиевых солдат.

Чем, интересно, занимается Кочнев? Максим помнил, как приятель убеждал его идти спать, а потом был... провал в памяти. Дмитрий сказал, что расположится на диване, как в старые добрые времена, что проблем нет... Нет? Как же он будет спать, если у него бессонница?

Максим вздохнул и хотел позвать приятеля по имени, но не смог. Губы и язык были не в состоянии сформировать ни один звук. Максим снова хихикнул, с трудом вспомнив, зачем он вышел из комнаты. Правильно – ему нужно на кухню.

Путешествие туда было не менее сложным, чем проход по канату между двумя небоскребами. Максима бросало в разные стороны. Он двигался широко расставив руки и наконец добрался до дверей большой комнаты.

Писателю удалось позвать приятеля по имени, но ответа он не услышал.

Укол страха каким-то образом достигает его сознания, Максим проводит ладонью по глазам и осматривает комнату; в руках, упирающихся в косяки, возникает дрожь. Сфокусировать плавающий взгляд сложно, и он не сразу замечает, что Дмитрий сидит в кресле и при свете ночника смотрит в черную тетрадь у себя на коленях. Его фигура неподвижна.

Максим сообразил, что приятель читает дневник, но разглядев выражение его лица, с трудом удержался от вопля.

Дмитрий сидит в расслабленной позе, немного опустив голову. Его глаза хорошо видны с того места, где стоит писатель. Живые, двигающиеся глаза на абсолютно неподвижном спящем лице. Они вращаются, чуть не вылезая из орбит, и будто кого-то разыскивают. Максим видит, слишком хорошо видит выражение в этих глазах и приказывает себе, умоляет себя не кричать, не кричать, ни в коем случае... пожалуйста, только не кричать...

Кажется, все волосы на его макушке поднимаются дыбом. Дыхание перехватывает. Движение живых глаз резкие, механические. И пустые, мысли в них не больше, чем в мраморных шариках. Максиму приходит в пьяную голову только одно: Дмитрий не имеет к этим глазам никакого отношения, его здесь вообще нет...

Максим шевелит высохшими губами. Он видит, как рука Кочнева двинулась, схватила кончик листа и перевернула его. Ничего страшнее этого шелеста в звенящей тишине Максим не слышал. В полуобморочном состоянии писатель сжимает косяки побелевшими пальцами.

Не может такого быть... мозг выдает свою резолюцию, в то время как глаза Кочнева совершают свое беспорядочное движение, высматривая то, что никогда нельзя увидеть в реальном мире.

Они видят.

Если он посмотрит на меня, я умру...

Чернота приходит на место комнаты, а потом – после щелчка и вспышки, похожей на фотоаппарат, – Максим задвигает дверь своей спальни тумбочкой. Нет, все это не сон! Писатель навалился на тумбочку всем своим весом и прижал к двери. Тишина. Максим прислонился к дереву ухом. Челюсти так и колотятся друг об друга, зубы клацают.

Звук идет, несомненно, из большой комнаты, где сидит Кочнев. Он похож на всхлип, плач, смех и возглас удовлетворения одновременно. Максим опускает голову и смотрит на свою брюку, уже на грани потери сознания, но там нет пятна растекающейся мочи. Пока нет. Но почему же ощущение такое явственное?..

Утром, уже после того, как переоделся в ванной, Снегов заметил пятно на брюках и трусах между ног. Это же надо, не сумел вытерпеть и подпустил прямо во сне, подумал он. Видимо, пива было чересчур много, а он вырубился, позабыв заглянуть в сортир.

Максим посмотрел на себя в зеркало, держа ком вчерашней одежды в руке, и вздохнул. Предсказание сбылось – этот день обещал быть тяжким. Сейчас утро, часов около девяти, и похмелье только начинает разбег. По сути, Снегов еще не до конца протрезвел. Эта мысль наполнила его унынием. Пожалуй, не было на свете такой вещи, которую он ненавидел бы сильнее, чем похмелье.

Максим бросил одежду в корзину и закрыл крышку. Стыд и позор – прямо как мальчишка в ясельной группе. Да нет, хуже – как старый бомж-алкаш, который уже не в состоянии контролировать свою физиологию. Плохо дело, подумал писатель. Видать, старею, не могу переносить похмелье так легко, как раньше. Он вспомнил студенческие времена. Там не было ничего подобного. По четырнадцать часов подряд они с приятелями из общаги могли пить все, что попадется под руки, а наутро чувствовали себя отлично. Десять лет назад, чуть больше... – и такая разница.

А ведь Кочнев жил в гораздо более худших условиях. Максим подумал, что его бессонница – следствие алкоголизма. Во всяком случае запой сыграли в этом не последнюю роль. После выхода в трезвое пространство на человека, как правило, наваливается депрессия, а тут еще проблемы в театре, конфликты, отсутствие перспектив. При депрессии часто проявляется сонливость, бывает и наоборот. Человек настолько перевозбужден и измотан, что о сне не может быть и речи. Без помощи извне он не в состоянии вернуться в норму.

Ладно, надеюсь, я не надул в штаны у него на глазах. Максим стал разглядывать свое лицо вблизи, почти уткнувшись носом в зеркало. Могло быть и хуже. Опухлости не было, только подводил цвет – серо-розовый. Примерно такой же, как вчера у Кочнева. Максим взъерошил волосы, включил воду, отрегулировал до комнатной температуры.

Склонившись над раковиной, писатель замер. Какое-то странное воспоминание промелькнуло у него перед глазами. Максим моргнул, потряс головой и поморщился от боли, проснувшейся в висках, затылке и шее. Прохладная вода освежила кожу. Снегов тщательно умылся, смочил волосы и зачесал их назад. Немного получше.

Вытираясь, Максим пытался вспомнить, что произошло перед его отходом ко сну. Что-то здесь странное. Проснувшись, он обнаружил, что тумбочка придвинута к двери. Машинально, не глядя, Максим убрал ее с дороги и пошел в ванную. Зачем ему понадобилось тащить ее куда-то? От кого закрываться?

Надо прекращать пить в таком количестве, Максиму не нравились эти провалы в памяти. Он не хотел думать, что не помнит того, как, возможно, вел себя свинским образом. Хорошо еще, что все произошло дома, и он не был за рулем. Интересно, знает ли Кочнев о вчерашнем?..

Максим повесил полотенце на крючок, открыл дверь и вышел. Из кухни долетал запах яичницы с колбасой. Дмитрий, не дожидаясь хозяина, решил сварганить что-нибудь на завтрак. Писатель прислушался к своему желудку и нашел, что пара кусков еды там спокойно удержится.

Еще в квартире стоял густой запах пива. Пива, стоящего в открытых банках, и перегара вперемешку с табаком.

Какой кошмар! Нет, все – дома пьянки-гулянки прекращаются, решил Максим. Ему было стыдно прежде всего перед самим собой.

Дверь на балкон была раскрыта настежь, оттуда шел прохладный утренний воздух, пока безуспешно пытающийся бороться с густым амбре. Кочнев молодец, сообразил. Максим загля-

нул в большую комнату, испытал легкое неприятное дежа вю. Банки стояли аккуратно возле балконной двери, пепельница вымыта, диван, кресло и все остальное в приличном состоянии, нигде нет следов от падающего с сигарет пепла. Максим вообще не помнил окончания их посиделки, но, видимо, погром они так и не учинили. И на том спасибо – не стали вспоминать на пьяную голову старые студенческие времена.

Максим поежился от прохлады, но закрывать дверь пока не стал.

– Макс, очухался?

– Ага. – Снегов остановился на пороге кухни. Здесь тоже все было нормально, как вчера. Кочнев снял с газовой плиты большую сковородку и вывалил яичницу с кусками колбасы на плоскую тарелку.

– Подкрепиться надо, – сказа Кочнев.

– А как дела?

Максим сел на табурет возле стола, внезапно размечтавшись о том, чтобы снова завалиться спать. Отключить телефон к чертовой матери, задернуть шторы, пусть все горит синим пламенем. Он будет лечиться.

Писатель протер воспаленные глаза, а когда открыл их, увидел покрытую изморозью бутылку пива, которую протягивал ему Дмитрий.

– Ты сбрендил! Не надо!

– Выпей хоть половину – сразу в норму придешь. Я знаю, я в этом специалист, – сказал Кочнев, улыбаясь. Максим присмотрелся к его улыбке, и понял, что тот опять не спал ночью. Улыбка больше смахивала на нервный тик, а глаза нездорово поблескивали.

Снова пришло дежа вю, опять промелькнуло непонятное воспоминание. Что-то связанное с глазами Дмитрия... Да, по-моему, с ними все в порядке, только уставшие – тяжелые веки, покрасневшие белки. Да и лицо как воск, безжизненное какое-то.

Все эти детали пытались во что-то сложиться, но у них никак не получалось. Максим перевел взгляд обратно на пиво, вяло морщась.

– Пей, – сказал приятель. Приказал.

Максим взял банку кончиками пальцев, потом перехватил покрепче, чувствуя, что из-за влаги кожа скользит.

– А потом поешь немного.

– Ага, – отозвался Максим, думая, что он самый несчастный человек на свете. Он приложил холодный алюминий ко лбу и сидел так целую минуту.

– Не удалось заснуть?

– Нет, – сказал Дмитрий весело. Он сел напротив, оторвал от яичницы половину и положил на тарелку. В его стакане тоже было пиво.

– И что же ты делал?

– Читал, в основном. Потом бродил просто так по квартире.

А я придвинул тумбочку к двери, подумал Максим. Да что такого-то? Ну бродит...

– Нашел старую газету, давай кроссворд разгадывать. – По крайней мере, Кочнев ел с аппетитом, что удивительно в его состоянии.

Максим открыл свою банку, сделал глоток, заставил себя проглотить обжигающее холодом пиво. Именно с такого все вчера и началось.

– Потом пробрался в твой кабинет, ты уж извини...

– Ерунда. Если ты только не забирался в мой роман... который не отредактирован.

– Нет, туда я не смотрел – знаю ведь, что дуракам полработы не показывают. Просто, покопался в твоих запасах литературных файлов – у тебя, оказывается, недурная библиотека собрана, думал, чего-нибудь почитать из драматургии... Освежить в памяти, что и как пишется там. Какие-то штучки даже придумал для пьесы.

Максим отправил в рот кусок яичницы, понимая, что начинает тяготиться обществом приятеля. С ним уже было неприятно находиться рядом, смотреть ему в глаза, испытывая неловкость, слушая хрипловатый голос, замечать, насколько сильно он изменился. Даже в сравнении со вчерашним днем.

Писатель жевал и не чувствовал вкуса, на языке еще был осадок от зубной пасты и того, что можно назвать смесью перекишенного пива с табаком.

Максим слушал голос приятеля и не мог поверить, что слышит именно его. Изменилась ритмика его обычно правильной поставленной речи, дикция потеряла чистоту, куда-то стали пропадать интонации. Впечатление было неприятное. Даже сильнее – перерождалась в отрицание.

Ну почему я должен так относиться к своему старому другу, ведь, по сути, от старых времен у меня только Дима и остался... Не поднимая глаз, Снегов отпил из банки.

– В Интернет я не лез, не беспокойся, все твои мегабайты целы, – рассмеялся Кочнев, поднимая руки, точно сдаваясь.

– Ладно, не проблема, – пробормотал Максим.

– Романчики твои посмотрел на полке... Обнаружил, что не все, которые ты мне свои дарил, я прочел до конца. Прошу прощения.

– Перестань извиняться, тошно, – сказал Снегов. – ...Тебе ничего не привиделось в этот раз?

– Нет, ничего такого не было. Или не помню. – Актер посмотрел на холодильник. – Наверное, организм все-таки ищет средства защиты, мозг отгораживается, стирая какие-то временные куски из памяти... Может, чтобы защитить психику... Или...

Максим бесился от того, что не мог вспомнить вчерашний вечер целиком. В то же время он по-настоящему боялся это вспомнить... Кочнев говорит о мозге, который отгораживается – а вдруг его мозг тоже пытается защищаться?..

– Или что? – Снегов надеялся, что воспоминания приятеля помогут ему воссоздать в уме то, что ускользнуло и не хотело показываться на глаза.

– Я начинаю думать, что похож на заколдованного принца. Посмотрел в твоих книги. Там же полным-полно всякого чародейства... Это может быть неплохим объяснением...

Максим рассмеялся.

– Порча? Да такого не бывает!..

– Бывает. Не так, может, вульгарно все это объясняется, но ты не отрицай...

– Да не отрицаю я, просто не в этом дело. Не хватало еще, что бы ты к экстрасенсу поперся какому-нибудь! Совсем с ума съехал?..

– Я не сказал, что собираюсь. – Дмитрий уставился на него. Взгляд красных глаз из-под припухших век был весом в несколько десятков тонн. – Но я бы многое отдал, чтобы отхватить часок-другой, понимаешь?..

– Ты все-таки сходи к врачу, мало ли что, – сказал Максим. Со дна желудка поднялась изжога, он pokrивился.

– Может быть, кто-нибудь из театра постарался, – проговорил, словно не слыша, Кочнев. – Только у кого ума хватило на это?..

– Перестань. Алла знает, какие у тебя сейчас проблемы?

– Нет, я не звонил.

– Зря.

– Плевать она на меня хотела, другие заботы... да ну, и думать про нее не хочу.

– Как знаешь. – Писатель проглотил остатки яичницы, чувствуя себя до крайности усталым. Похмелье старательно разрушало его глубоко эшелонированную оборону.

Я хочу писать, писать, больше ничего... мне не надо этих проблем. Снегов усмехнулся. При всем желании он не мог бы сейчас сесть за компьютер для того, чтобы слепить хотя бы

небольшой рассказик. От терпеть не мог безделья, но внутренние ритмы не обманешь. Организм будет способен приступить к чему-то новому не раньше чем через двадцать дней. Так сложилось давным-давно.

Чем же заняться? Спать? И все? Максим встал и положил грязную тарелку в раковину. Дмитрий тоже поднялся, пригладил волосы. Тут он вспомнил о своем виртуальном собеседнике, с которым переписывался уже месяца четыре или пять. Вот с кем можно пообщаться. Надо написать письмо.

– Я пойду, пора и честь знать... Может, забегу сегодня в пару мест.

– Уже?

– У тебя такой вид, что ты сейчас дашь дуба от недосыпа. А у меня дела найдутся. Отдыхай – заслужил.

Максим был рад тому, что приятель наконец уходит. Сам бы он не смог, пожалуй, намекнуть ему, что пора расходиться. Похоже, Дмитрий чувствовал свою ненужность – и Снегову было немного стыдно, будто он как-то усугубляет его состояние. И ничего поделать с этим не мог.

Кочнев сходил за тетрадь в большую комнату. Максим поглядел на нее почти что с отвращением. Ну, дневник принадлежал самоубийце, понятно. Что из того? Пятен крови, кусков мозга нет, да и откуда им взяться? Но в целом Максим брезговал брать эту штуковину в руки.

– Смотри, что здесь есть. – Дмитрий раскрыл тетрадь и показал на внутреннюю сторону обложки после последней страницы.

Под полосками скотча, заклеенные со всех сторон, были волосы. Прядка длиной сантиметра четыре. Максим удивленно поморгал.

– Русые, – сказал он, не думая.

– Под ними написано: «Кусочек меня. Когда волосы будут совсем седые, я буду на них смотреть. Вспоминать, что не всегда была старухой. 20 сентября 2003 года».

– Убери, сдалась тебе эта мерзость...

Дмитрий засмеялся и спрятал тетрадь во внутренний карман куртки.

– Представь, да, она в могиле уже сгнила, а волосы здесь. Может, в них есть живые клетки.

– Ты псих, никак больше скажешь, – улыбнулся Максим. – Зациклился...

Кочнев подошел к порогу открытой двери и обернулся, опуская взгляд. Потоптался, почесывая кончик носа, – знак, что он смущен.

– Слушай, я чего приходил-то вчера. Ссуди мне денег, а, очень надо. Сколько можешь... Сам понимаешь... я совсем никак, на мели...

Максим уже думал об этом и посчитал, что приятель то ли не решается, то ли необходимость в деньгах отпала. Писатель ободряюще улыбнулся.

– Не вопрос. – Снегов направился в кабинет, чтобы залезть в кубышку, где хранил текущие капиталы. Он считал, что так успокоит свою совесть.

Скорее всего, они будут пропиты, подумал писатель. Максим ничуть не сомневался, что делает правильно, идя приятелю навстречу. Но это меня не касается... В конце концов пусть живет своей жизнью.

– Но только месяц придется подождать, скорее всего, раньше не получится, – сказал Кочнев вслед.

Максим махнул рукой.

– Забудь. Назад не возьму. Мы же друзья.

Кочнев засмеялся. Звук из его горла вышел скрипучим, неприятным, как скрежет ногтей по классной доске. Максим вздрогнул.

Глава вторая

1

Солнце вышло из-за туч, осветив брусчатку на Площади Пятого года. Чисто вымытые под дождем камни заблестели полированными боками. Дина, сидевшая в трамвае у окна, почувствовала на правой щеке тепло солнечных лучей. Блики заиграли на стеклах едущих параллельно трамваю машин. Из заднего окна одной из легковушек высунулась лохматая собачья морда. Кажется, миттельшнауцер. Псина оглядывалась по сторонам. Облизнула нос.

Дина улыбнулась, коснувшись стекла кончиками пальцев, и тут к ней пришла идея выйти на ближайшей остановке и прогуляться. И хандру как рукой сняло.

Ее не удивляла смена настроений. После мрачной сосредоточенности она внезапно почувствовала душевный подъем.

Дождевые тучи, кажется, рассеялись окончательно, серые обрывки у горизонта городу ничем не угрожали. Скорее всего, причина в именно погоде.

Сидеть в душном вагоне вовсе необязательно. В ее распоряжении уйма времени, домашнее задание не отнимет больше получаса, о нем можно вообще не думать – все-таки еще только четвертое сентября и многие предметы еще не начались. Лучше всего сейчас повалять дурака, насладиться хорошей погодой.

Сквозь маску осени проглянуло лето. Пока оно не ушло окончательно до следующего года, надо пользоваться моментом. Солнечный свет отлично борется с депрессией – доказано на личном опыте.

Дина поднялась со своего места, осмотрела полупустой трамвай, покачивающийся, точно корабль на волнах. Грохот колес по рельсам, конечно, водил на нет эту ассоциацию, но никто его не замечал.

Женщина-кондуктор сидит возле средних дверей с закрытыми глазами. Дина пробирается к выходу, хотя до остановки еще далеко. Позади остается здание городской администрации, перекресток, консерватория и колледж.

Трамвай мчится через плотину. Вода в Исети искрит, струи фонтана распадаются в воздухе на миллионы капель. Днем вдоль воды прогуливается мало народа, к вечеру их количество увеличится многократно. Пойти туда Дина не пойдет, однако думать об этом приятно. Как будто действительно лето продолжается и до занятий в школе еще миллион лет свободы.

Трамвай ненадолго останавливается на перекрестке, и идет к остановке, Дина провожает глазами большие афиши кинотеатра «Салют». Эти фильмы она смотреть не собирается, слишком далеки они от того, что нравится ей. Дело не в жанре или стоимости билетов, просто Дина привыкла идти наперекор тому, что приходится по вкусу другим. Лучший способ отвратить ее от чего-либо – это рассказать о том, в каком все восторге. Если нравится всем, пожалуйста, увольте. Дина лучше останется в стороне.

Не очень-то и правильно, думала она. Здесь есть какой-то дурацкий снобизм... Текущие из небытия в небытие мысли не очень-то и приятны, но их появление логично сейчас, в начале последнего года. Дина вспоминает школьные случаи, удивляясь тому, как ей удалось не превратиться в изгоя. В то вечно забитое существо, так часто встречающееся в школьных коридорах. Подобные типы обычно сидят в самом углу, и вокруг них образуется чумная зона. Свое презрение к ним одноклассники выражают по-разному. Это может быть и откровенная травля, и бесконечный бойкот. Похоронное молчание. Все вокруг делают вид, что изгоя не существует на свете. Сверстники смотрят сквозь такого человека, а тем временем он понемногу сходит с

ума внутри той раковины, которую ему выдали в пользование. Дина видела этих людей-призраков. Она всегда боялась, что станет одной из них, однако ей повезло занять выгодную нишу. Дина не относилась к «элите» класса, но ей далеко было и до низов. Удачная стратегия по сохранению отношений с заправилами помогла Дине сохранить статус-кво независимого человека. Даже когда классы переформировывались за два года до того, ей удалось остаться на нужном уровне. Ее слушали, если она говорила, она была обычной девчонкой среди двенадцати других в своем классе. О лучшем Дина не мечтала и не испытывала необходимости быть в центре внимания. Отношения с костяком 11 «Г» были нормальным, проблем с общением не возникало. Возможно, дело в том, что класс, считаясь гуманитарным по профилю, собрал всех тех немного странных, кто не проявил себя в точных науках и не готовился к поступлению на естественные факультеты или идти по экономической стезе. Дина вошла в последний период обучения как человек, являющийся неотъемлемой частью коллектива. Ее манера держаться отстраненно и мало говорить никем не обсмеивалась, никто не смотрел на нее косо. Просто Дина умела быть одна, а другие, в большинстве своем, нет. Однако, похоже, никто ей не завидовал.

Все это, разумеется, маска, способ жить. Дине была отвратительна школа. Каждый день приносил кучу проблем с тем, что она определила бы как «несвобода». Банально, но Дина все-раз тяготилась подобным давлением. Чувствовала его кожей. Чего ей хотелось на самом деле, она не знала. У всех были планы, перспективы, варианты, сценарии развития событий, о них одноклассники, особенно девчонки, трепались на переменах без умолку. Дине же было нечего сказать. Если кто-нибудь спрашивал ее о будущем, она отшучивалась. Говорила: дожить надо. Кто-то спрашивал: сомневаешься?.. И даже не знал, насколько двусмысленно звучит вопрос.

Трамвай подкатил к остановке. Дина вцепилась в вертикальный поручень. Лицо сохраняло улыбку, но глаза уже становились мрачными. Всегдашнее выражение возвращалось в них.

Когда приходили кошмары, Дина не могла отделаться от мыслей о них и прокручивала их в уме. Что бы сказали одноклассники, узнай они о ее странной способности наблюдать сны такой реалистичности? Да и способность ли это? Может быть, какая-то мозговая аномалия, поврежденные сосуды коры мозга, родовая травма... Похоже, ни мать, ни отец не знали о том, что временами с Диной происходит. Значит, в раннем детстве такого не было. Насколько Дина могла судить, до одиннадцати лет кошмары ее не посещали. В том возрасте их можно было объяснить взрывом гормонов, быстрым ростом, разрывом в росте между телом и психикой. Странными, пугающими вещами, происходящими в глубине женской плоти. Но чем же объяснить сейчас? Только ли впечатлительностью и погруженностью в себя. Сублимацией? Глупости... Интуицией? Это ближе к правде, хотя Дина и сомневалась. А почему в этом случае не постороннее вмешательство? Потустороннее... Ведь и наяву с ней случаются странные вещи. Стоп. Как раз если наяву – это скорее всего психика. Сегодня в машине я вырубилась неизвестно насколько, под носом у отца. Повезло, что он ничего не заметил, сидел пялился в книгу...

Двери открылись, Дина посмотрела вниз, позабыв о том, что надо выходить – настолько была в своих мыслях.

Тело двигалось само собой, Дина сделала шаг на одну ступеньку и автоматически на другую. На секунду ей показалось, что она падает. Страх мигом изгнал из головы все мысли. Перед глазами появился кусочек из сегодняшнего сна.

Лестница. Дина видит ее так же, как сейчас, только лестница эта в доме, бетонный лестничный марш. Кто-то внизу колотит ногами по ступеням, откуда-то у него есть силы бежать вверх с такой скоростью.

К спине Дины словно прикоснулись горячими пальцами и стали вести ими вниз, к ягодицам. В трансе она спускается на асфальт трамвайной остановки, ничего не видя и не слыша. Старуха, залезающая в вагон, толкает ее в плечо. Мимо проходит высокий мужчина, пахнущий собакой.

Я не хочу его видеть, думает Дина, глядя вниз с верхней бетонной ступеньки. Пусть остановится!

Не смотри, Дина!

Отвернись!

Прозвенел высокий трамвайный клаксон – водитель сгонял кого-то с рельс.

Дина проснулась, выскочила из сна и, испугавшись режущего слух звука, шагнула вперед, из трамвайной тени на залитую солнцем остановку. Тепло возвратило ее к жизни. Пот стекал по шее и под одеждой.

Дина вынула из кармана ветровки темные очки и нацепила их на нос. Люди кругом стояли как ни в чем ни бывало. Какой-то парень проводил ее глазами, зацепился взглядом за обтянутые джинсой бедра. Дине было все равно.

Она дошла до пешеходного перехода, втиснулась в толпу людей, стараясь затеряться. Ей чудился взгляд невидимки, бегущего вверх. Он искал ее. Зажегся зеленый свет, Дина перешла на другую сторону улицы, потом преодолела еще один переход, ощущая на своем затылке слабые прикосновения чего-то почти бесплотного. Она очень хотела резко обернуться, чтобы застать *его* врасплох, но только знала, что это ни к чему не приведет. За спиной Дина увидит обыкновенных прохожих.

Надо куда-то спрятаться и посмотреть, что будет. Остановиться. Побывать там, где побольше людей. Ничто со мной случиться не может, пока вокруг люди... Дина подумала, что это сильнее всего походит на паранойю или манию преследования. Слишком похоже. Психоз... Если в этом все дело, то родители примут меры, начнут лечить, таскать по врачам, а болезнь будет прогрессировать, пока дело не дойдет до психушки. Диагноз с успехом объяснит все, что происходит с Диной с одиннадцатилетнего возраста. Видения впишутся в клиническую картину... Чья-то карьера пойдет вверх после того, как по истории ее болезни накропают диссертацию.

Дина двинулась в сторону книжного супермаркета. Среди книг ей будет, наверно, спокойней.

Я дура – надо было сразу домой. Я иду в другом направлении!

Спокойно, еще ничего не произошло... Дина подняла правую руку и провела по волосам на затылке. Мимо, навстречу и по пути, проходили люди, и почему-то их фигуры казались гигантскими. Их колени при ходьбе мелькали возле самого ее лица.

Дина в панике. Еле сдерживается, чтобы не закричать. Уже не хватает дыхания.

Снова что-то прикасается к ее затылку. Играет?..

Она подошла к двери супермаркета, взялась за ручку и почти со стоном потянула ее на себя. Бесконечно, невыносимо медленно.

Дина! Она вздрогнула и возвратилась в сознание, тело за нее, будто на автопилоте, проделывало простые движения. Почти вбегая в помещение, Дина успела остановиться перед ступеньками. Дышала неровно, тяжело.

Охранник сидел на стуле возле серого стального блока камер хранения и читал газету. Его взгляд оторвался от строчек и остановился на Дине. Девушка сделал вид, что о чем-то думает. На самом деле она прислушивалась к своим ощущениям. Прикосновения больше не появляются. Дина спустилась и прошла мимо охранника, засунуть рюкзак в свободную ячейку. Номер девять. Счастливое число.

Пришло ощущение вязкости пространства. Дина продвигалась сквозь него, преодолевая сильное сопротивление. Точно так же, как в том сне, когда есть строго определенные для маневра границы. Дина видела приближающиеся к ней стеллажи с книгами. Высокая секция с названием «Новинки». Тома разных жанров и направлений. На одной грани поэзия, на другой документальная и публицистическая проза, мемуары, на следующей фантастика. Дина смот-

рела на книги и практически ничего не видела, глаза передавали информацию в мозг, а он отказывался ее обрабатывать.

Она поняла, что провалилась куда-то вглубь себя и не может выбраться наружу. Опять ей захотелось кричать. Дина боялась, жутко боялась безумия.

Поднимайся! Пока не начала привлекать к себе внимание. Это вопрос жизни и смерти...

Дина стиснула кулаки, кожа на руках стала потная.

Я, наверное, падаю в обморок, я больна. Помогите.

Она прислонилась бедром к широкому столу, на котором лежали стопками книги. Кто-то негромко говорил рядом с ней: разрешите пройти. И проходит, незаметный, размытый.

Дина видела вспышку перед глазами и стояла, ничего не понимая. Все уже вернулось в норму. Воздух сделался просторным, им можно было спокойно дышать, не опасаясь удушья. Девушка восстановила дыхание, для вида взяла первую попавшуюся книгу. Орхан Памук. Нет, только не это. Положила обратно. Отошла к высоким стеллажам. Глаза разбежались от обилия книг. Дина чуть улыбнулась – просто от чувства свободы. Взяла другую книгу, «Снег на кедрах». Красивое название, перелистала, вернула на место. Сам процесс занимал ее, ощущение реального предмета, имеющего вес и форму, успокаивало.

Зазвонил телефон, Дина раскрыла его, не глядя на номер.

– Да.

– Динка, привет. – Знакомый какой-то голос.

– Это кто?

– Серж, ты чего, забыла?..

– А-а, привет. – Забывать было нечего. Одноклассник, который ни разу ей еще не звонил, считает, наверное, что она должна запрыгать от радости. Что ему надо? Ну, общались они, смотрел он на нее заинтересованно, ну и что?..

– Я с домашнего звоню, ты можешь говорить?

– Да, со стационарных звонки бесплатно.

– Отлично. Тогда... Тут такое дело. – Серж замялся. – Помнишь, я вчера снимал на видео в классе?

– Ну...

Дина смотрела на бродящих по залу между стеллажей посетителей. Какие-то студенты с умным видом кучковались возле современной прозы, что-то листали, обсуждали.

Серж бегал вчера по классу и коридорам с видеокамерой и снимал их 11 «Г». Говорил, что хочет иметь видеохронику последнего года. Брал у некоторых «интервью», все дурачились, кто хотел, строили рожи, рассказывали анекдоты. Дина отказалась принимать участие в этом идиотизме, ей было до лампочки. Она боролась с депрессией и, стиснув зубы, мысленно подгоняла время, чтобы уроки побыстрее закончились.

– Я тут внимательно все просмотрел. Там есть какие-то странности, в записи...

– Какие? – Дина не понимала, при чем здесь она.

– Ты несколько раз попадала в кадр, когда я в классе снимал... – Серж откашлялся. – Надо чтобы ты посмотрела.

– Зачем?

В животе возникла дрожь.

– Там есть что-то интересное, честное слово.

– Например? – Он что, решил так поухлестывать за ней? Дурацкий способ, надуманный предлог.

– Может, не надо по телефону? Давай, знаешь как... Встретимся через полчаса возле Плотины. У памятника, ладно? Я расскажу, в чем дело...

– А...

– Да все понятно, Дин. Но я же не шучу.

– Откуда я знаю?

В голове у ней возникло видение: класс, собиравшийся после уроков, решает, как бы ее подколоть... Наконец-то задумали произвести над лунатичкой эксперимент... потому что давненько ничего подобного не было... Хотя напоследок поизмываться над кем-то. Скучно сделалось.

– Ну поверь, – сказал Серж.

Дина вздохнула, в горле возник пульсирующий комок.

– Чему поверить?..

– А чего ты боишься? Просто поговорим... – Снова откашлялся. Дина нахмурилась. Что за дурацкая манера? Она всегда думала, что при общении с девчонками Серж не тушует, а тут смотри-ка, поди, еще и краснеет. – Ну пожалуйста!

– Ладно, встретимся... Только не думай, что это предлог для свидания!.. – Она врезала это не думая.

Серж не сразу ответил.

– Да я и не думаю, ты чего. Короче, давай через полчаса возле Бивиса и Батхеда. Успеешь?

– Успею, я рядом.

– Ну и супер. Пока.

– Пока.

Дина отключила телефон, посмотрела на него, кусая губы. Никогда раньше с Сержем она не разговаривала дольше трех минут и то исключительно на нейтральные темы. Никогда он не пытался сойтись с ней поближе, хотя частенько в последнее время Дина чувствовала на себе его взгляд.

Что же он там такое нашел на видеозаписи? Правда не придуривается или все-таки действует по чьему-то наущению?

Она попыталась воссоздать в памяти вчерашний день. Ничего в нем особенного не было. Обыкновенная рутина, скука. Дина хотела единственного – побыстрее уйти домой. На парах она сидела погруженная в собственные мысли и вряд ли могла бы вспомнить, о чем шла речь. Перемены не вызывали особых эмоций, Дина прогуливалась по классу или по коридору. Стояла глядя в окна на школьный двор, перекидывалась с кем-то дежурными фразами.

Больше ничего. После последней пары она забросила рюкзак на спину и быстро ушла.

Все-таки это, наверное, трюк...

Этого только мне и доставало, подумала Дина, шагая к выходу. Не надо было соглашаться... но тогда Серж пристал бы завтра.

Нет, лучше сегодня его отшить, какова бы причина для встречи ни была.

В этот период времени Дина меньше всего думала о мальчиках и всем том, чем чреваты близкие отношения. Пусть Серж отчасти ей и нравился, заводить с ним роман она не собиралась. Чересчур утомительно. Обязанности, трата своего личного времени, эмоций. Дина не в состоянии себе этого позволить, тем более учитывая нынешнее состояние.

Она вынула из ячейки камеры хранения свой рюкзак и поднялась по ступенькам к выходу. Охранник проводил ее взглядом, тем же самым, что всегда выдает грязные фантазии.

2

У памятника отцам-основателям Екатеринбурга, прозванного среди молодежи Бивисом и Батхедом, катались на роликах и скейтах подростки. На освещенной солнцем площадке между подножием памятника и лестницей в Исторический сквер раздавались голоса и стук скейтбордовых колес. Все как всегда, к вечеру тут соберется целая толпа школьников и студентов. Это место будет напоминать птичий базар. Прохожие шествовали двумя неплотными

потоками мимо площадки. Незанятых ничем людей было еще мало. Дина видела, что без дела сейчас болтаются немногие. В том числе и она.

По пути к месту встречи всякое желание общаться с Сержем исчезло напрочь, Дина пришла только чтобы сказать, что собирается домой. Ей не интересны ни видеозапись, ни какие-либо странности в ней. В конечном итоге она не просила, чтобы он снимал именно ее. Наверняка на пленке Дина получилась ужасно.

Нет, не разговаривать ни в коем случае. Пускай не думает, что она способна на все по первому зову.

Дина прошла вдоль гранитного бордюра, озираясь по сторонам и ища глазами Сержа. До назначенного времени было еще семь минут. Она не имела понятия, где он живет и как далеко ему ехать, но мог придти и пораньше.

Лишь набравшись смелости Дина призналась себе, что ее просто напугало такое неожиданное заявление. Любопытство никуда не делось, прогнать его было невозможно. По большому счету она не прочь взглянуть на запись одним глазком. Если, конечно, это не кретинская шуточка.

Дина зашла под навес летнего кафе, стоящего впритык к площадке у памятника. Посетителей было всего двое, мужчины в дальнем углу сидели и пили пиво, разговаривали о делах, ничего вокруг не замечая. Продавщица в униформе, поглядела на Дину с высоты барной стойки, протерла пластиковую поверхность и вопросительно изогнула брови.

– Бутылку минералки, ноль пять.

– И все?

– И все.

Расплатившись, Дина взялась за прохладный пластик бутылки. Она отвернулась от стойки, чтобы уйти. Серж уже был на месте, топтался рядом с лестницей и вертел головой. Дина остановилась, рассматривая его и оставаясь в тени, где он не мог ее заметить.

Серж подходил под определение красавчик – высокий, русоволосый, стройный, однако никогда девчонки не бегали за ним толпой, не соревновались за толику его внимания. Со всеми в классе у него были хорошие отношения, Серж умел шутить, если хотел, не лез за словом в карман и учился на твердое «хор.». Но что-то в нем было аляповатое, неуклюжее, еле заметная несуразность и не то, что бы очень портившая впечатление. Дина считала, что при всем том Серж никогда не будет успешным бизнесменом, человеком, построившим головокружительную карьеру. Для этого, видимо, он был чересчур романтичным и мечтательным. Стоило взглянуть ему в глаза, и все становилось ясно. Это не тот, кто рвется вперед, проламывая грудью все преграды, не идущий по головам делец, какими многие молодые люди проявляют себя уже в последних классах школы. Или какими хотят показать себя другим.

Строго говоря, Дине это нравилось больше, чем твердолюбая самоуверенность некоторых суперменов с подростковыми лицами. Может быть, в чем-то Серж походил на нее саму. Больше она ничего про него не знала. Касательно всего остального Серж, он же Сергей Бунин, был как закрытая книга.

Дина вышла на солнце и, увидев ее, он заулыбался. Значит, все-таки свиданка? Она не стала улыбаться ему в ответ, а придала лицу как можно более угрюмое выражение. Глаз не было видно из-за темных очков.

– Привет, – сказал Серж.

– Я вообще-то домой собираюсь, мне некогда, – ответила Дина. – Это у тебя развлечение такое?

Он пожал плечами.

– Да почему? Нет.

– Мы ни разу с тобой вне школы не встречались. Я вообще этого делать никогда не собиралась... Не с тобой.

Серж потер переносицу.

– Что ж ты сразу нападаешь? Что я такого сделал?..

– Так, погоди. На берегу договоримся – я останусь, если ты не насвистел... только так...

– Все нормально – я только по поводу видео, – улыбнулся он. – В первый раз такое вижу, честно. Почти четыре года снимаю, а ни разу не выходило на пленке этого...

– Чего этого?..

Серж вынул сигарету из пачки в нагрудном кармане рубашки без рукавов.

– Мистика. Нереальщина какая-то. Я не знал, говорить тебе или нет, но все проверил. Это точно не брак пленки или дефект записывающей головки.

Дина с силой сжала бутылку с минеральной водой.

– А точнее.

– Твое изображение то появляется, то исчезает, понимаешь какая ерунда. – Серж закурил. Дине показалось, что у него трясутся руки. – У всех все нормально, только с твоим изображением какая-то проблема.

Дина стояла и не знала, что сказать. Очень уж походило на шутку и в других случаях, с другими людьми так бы и было, но не сейчас. Не после сегодняшнего ночного кошмара и ощущения, что ее преследует нечто невидимое.

– А еще что?

– Слушай, пойдем, посидим вон там.

Серж указал вниз, на канал, вдоль которого тянулись ряды скамей. Сейчас почти все были пусты.

– Да я не упаду, говори...

– А вдруг я упаду? – сказал Серж.

Дина не удержалась от слабой усмешки.

Когда они добрались до ближайшей скамьи, солнце скрылось за облаком, по земле поползла бесформенная тень. Серж докурив сигарету, отправил окурочек щелчком в урну. Дина молчала. Теперь у нее стали подгибаться ноги. Сесть – хорошая идея.

Она опустилась на деревянное сиденье. Бунин присел на расстоянии полметра от нее.

– В другом эпизоде, в коридоре у класса, помнишь, там рядом с тобой кто-то есть. Кажется, я рассмотрел...

– Ну?..

– Тебе лучше поглядеть самой. Зачем я буду тебе описывать все это?

Дина не реагировала, глядя перед собой на серебряные струи фонтана и как вибрирует вода в канале, будто покрываясь пупырышками. Серж молча ждал. Он тоже нервничал, девушка чувствовала, однако превосходно держал себя в руках.

– Поехали ко мне. Сейчас самое удобное время. Ну, если, конечно, у тебя дел нет никаких.

Дина молчала. Поехать, возможно, означало, что о ее проблемах будет знать уже второй после нее человек. Он не был ее другом, и в этом скрывалась другая опасность. Серж мог разболтать остальным. Если Дина поедет к нему и посмотрит запись, то пути назад не будет, мосты сгорят с громким треском. И, вероятно, вся ее спокойная жизнь.

– Такое уже было? – спросил Серж. – Или похожее?

Дина посмотрела на него. Он нисколько не шутил, на лице не было улыбки, глаза серьезные.

– Не было.

– Но ведь что-то происходит?

Она покачала головой: не знаю.

– Поехали? Не бойся, только посмотрим...

– Да не боюсь я! – огрызнулась Дина. Неужели он думает, что она дура набитая и чего-то такого опасается? – Не в этом дело... Я... мы не знакомы, понимаешь! Учимся вместе, а я тебя не знаю!

– Я тебя тоже, – сказал Серж. – Ну и что страшного? У меня сейчас дома никого нет, никто тебя не увидит.

Дина молча сжимала бутылочку, потом вспомнила о воде и, открыв, отпила. Предложила Сержу. Он жестом отказался.

Перед ней Рубикон – его надо перейти. Или отступить, так ничего и не узнав... – и, возможно, потеряв шанс что-нибудь выяснить насчет всех этих видений. В этом вся и соль. Вдруг эта съемка содержит какую-то зацепку? Серж употребил слово «мистика», которое Дине раньше в голову не приходило. Она свыклась с тем, что с ней происходит, и больше склонялась к мысли о психических сдвигах, а тут появилась, хоть и не выстроенная, версия о сверхъестественном. Раньше эти мысли Дина от себя гнала, и причина заключалась в элементарном страхе. Часто грань между обыденностью и нереальным миром была чересчур тонка, вот как сейчас, и у Дины не возникало желания ломать ее. С другой стороны...

Если не поехать, последствия могут быть тяжелыми. Например, Серж обидится и начнет болтать. И тогда, посчитав, что она сумасшедшая, ее начнут травить. Психов в школе не любят, особенно тех, кто грезит наяву, кто уверен, что рядом бродят призраки. Таких боятся и ненавидят.

В выпускном классе Дина не могла позволить себе разрушить то, что создавала годами. Репутация дорогого стоит. Она должна быть как все, пока весь этот школьный кошмар не подойдет к концу.

Дина снова обратила взгляд на воду. Наверное, Серж уже не считает ее обыкновенной одноклассницей. В его глазах отражается монстр, нечеловек... У Дины заняло под ложечкой.

– Поехали.

Серж встал.

– Это далеко?

– Три остановки на трамвае, – сказал он.

3

Всю дорогу Дина мучилась от неловкого молчания, которое люто ненавидела. Она думала, что надо как-то поддерживать разговор, но слов не находилось. Серж практически не смотрел на нее, отрешенно разглядывая то, что за окном. Дина заметила, что сама слишком часто обращает на него внимание, мысленно обрисовывает его четкий профиль, фиксируя мелкие детали. Когда освободилось место, Серж молча пригласил ее сесть, Дина послушалась. Опустилась на сиденье, устроив рюкзак на коленях.

Что же мы имеем? Видеокамера зафиксировала то, чего не было в момент съемок. То же самое иногда происходило с фотоаппаратами, когда на пленке проявлялись НЛО и другие неизвестные объекты, размытые силуэты, сгустки светящейся материи. Если все правда, тогда... Тогда что? Вокруг нее вьются призраки? Мертвецы толпами сопровождают ее повсюду? Может быть, каким-то образом Дина притягивает их, как магнит железные опилки? Вполне вероятно, это и происходит с одиннадцати лет, когда ее начали посещать кошмары. Источник плохих снов мог скрываться как раз в этих призрачных «людях», не видимых обычному глазу... Мысли такие всерьез грозили разрушить привычный порядок вещей, пусть он и был не больше, чем миражом. Дина прислушивалась к ритму своего сердца... Но присутствие привидений, если это привидения, не доказывает, что они связаны именно с ней. Как можно это доказать? Дина еще не знала, с какой целью Серж решил показать ей свои записи. Хочет ли он разобраться в феномене или преследует иные цели.

Я в ловушке, на этот момент я в самой натуральной западне, я не могу проснуться и спокойно подумать, что вышла из кошмарного сна. Пока я не знаю ничего, только полагаюсь на его слова, которые могут быть обычным враньем. Да, он меня немного пугает.

Дина поглядела на Сержа снизу вверх, и он ответил улыбкой. Трамвай грохотал по рельсам, стекла дребезжали.

Строить предположения не имеет смысла, решила Дина. Все выяснится. Может быть, этот бред не стоит и выеденного яйца. И тогда я пошлю его так далеко, что мало не покажется!..

Однако в глубине души, она так не думала. Страх становился все больше. Чувство неуверенности, незащищенности приходило к ней всякий раз, когда Дина вспоминала стакан с кровью, такой безумно-реальный, и прикосновения к своему затылку не далее как час назад. Что-то есть рядом. Омерзение охватывало ее, кожа на предплечьях покрывалась пупырышками. Если бы Серж знал, хоть на миг мог предположить, в каком она сейчас состоянии находится!

Она посмотрела на его руку, сжимающую поручень, и вообразила, как прикасается к ней указательным пальцем, словно в попытке убедиться, что Серж не привидение. Дина быстро перебрала взгляд в окно. У ней были сомнения в том, что она всегда контролирует свои действия. Ей ведь так и неизвестно, что происходит во время ее «отключек». Серж подумает про нее не самое лучшее, если станет свидетелем одной из них. Или вообразит еще, что Дина к нему равнодушна.

Что сегодня за день такой отвратительный? Девушка закусил губу, не замечая, что трамвай подъезжает к остановке.

– Пошли на выход, – сказал Серж.

До его дома тоже было недалеко, они вдвоем прошли мимо девятиэтажки и свернули во двор. Серж открыл дверь подъезда номер два своим ключом-пластиной. Отступил, шутливо предлагая Дине проходить.

– Ты на каком этаже живешь? – спросил он.

– Девятым.

– А я на четвертом. Невысоко.

Они вошли в лифт. Дина слушала, как что-то скребет по стенкам кабины внутри шахты. Звук показался ей зловещим. Чьи-то когти выцарапывают рисунок на пластике.

Серж по-прежнему ничего не говорил, и вдруг Дина подумала, что он просто стесняется. Может быть, дома у него мало кто бывает, тем более, редкость когда девушка. Он и пригласил-то ее потому, что родителей нет. Дина подивилась, не зная, чем ему можно помочь. Хотя, вероятно, это только ее фантазии.

Дина вошла следом за хозяином, он захлопнул дверь. В квартире тишина. После неуклюжих церемоний и извинений по поводу того, что в его комнате царит полный разгром, Серж повел ее за собой.

В комнатке Сержа на столе стоял компьютер, у стены – книжный стеллаж, до отказа забитый чем ни попадя. На другом столе, поменьше, напротив аккуратно заправленной кровати, стоял большой телевизор, под ним – видеомагнитофон. Подключенная к нему видеокамера – на верхней панели телевизора. Еще был небольшой музыкальный центр. Кассеты и диски высокими стопками высились в углу. Только тронь, и будет обвал.

Войдя, Дина села на край кровати, потому что единственный, вращающийся, был возле компьютерного стола.

– Не очень все это пугает? – спросил Серж.

– Нет. Нормально.

– Я рад. – Он вооружился пультами. – Я переписал на чистую кассету, вчерашнее занимает минут пятнадцать, я не все перебрал... Только самое интересное. И то, что с тобой.

Дина смотрела в экран телевизора. Она сидела, сведя колени от напряжения, и буквально видела внутренним взором, как вздрагивает в груди ее сердце. Серж нажал на кнопку воспроизведения.

– Ну, здесь снаружи школы, фасад. Ерунда. Перемотать?

Дина качнула головой.

– Пусть идет сначала до конца.

– Ладно.

Снимающий приближался к большому широкому крыльцу. Камера ловила в объектив младших школьников, группки старшеклассников, толкущихся возле главного входа. Снаружи стоял охранник, посмотрел вокруг, вошел в здание. Серж, наводя камеру на своих знакомых, что-то им говорит, они здороваются. Затем меняется картинка, это уже коридор на первом этаже, возле раздевалки. Дина узнает людей из их 11 «Г». Светка Шмелева машет рукой, Ирина Губина показывает язык, шутливо закрывает объектив пальцами. Каждый раз, когда возникает новое лицо, Дина внутренне вздрагивает. Как необычно все-таки видеть хорошо знакомых со стороны. Словно это не живые лица, а овалы на памятниках.

Голос Сержа объясняет, что это для истории, что когда они все встретятся через год, то будет на что посмотреть. Кто-то спрашивает, почему же он раньше не снимал. В голову не приходило, отвечает Серж. Хохот со стороны.

Глупость все-таки, думает Дина. Многие вообще больше никогда не переступят школьного порога. Забудут об этом кошмаре до конца своих дней, вычеркнут из памяти. Даже удачные и по-настоящему счастливые дни станут вспоминаться с чувством некоторого стыда. Скорее всего, так будет у ней.

Антон Стрельников заскочил на спину Диме Величко и попробовал проехаться, но вместо того шмякнулся на бетонный пол. Дину передернуло, но лицо ее осталось неподвижным.

Сменяются планы. Вверх по лестнице, камера дрожит. Серж просит не толкаться.

– Это вот ты, – говорит он.

Дина смотрит сама на себя. Она поднимается по лестнице на третий этаж вместе с другими. Держится так, словно никого вокруг нет, словно школа пуста. Дина достала из рюкзака бутылку с водой и отпила, наблюдая за своими передвижениями.

Девушка-призрак.

Какое же у меня каменное лицо. Я даже не видела, что меня снимают! Камера задерживается на ней, сопровождает какое-то время. Дина идет вдоль окон. Пока ничего сверхъестественного не видно.

Множество ничего не значащих эпизодов. Кто-то рассказывает идиотские анекдоты. Кто поумнее корчит рожи. Демонстрируют в объектив к месту оказавшиеся в сумках фотографии с тусовок, объявляют дату и число. Серж нажимает на паузу.

– Сейчас будет класс, где литература была. Помнишь, где сидишь?

– Да. – Голос Дины почти не слышно.

– Там. – Серж охрип. – Странности всякие.

Он стоит возле классных дверей изнутри, у самых застекленных шкафов. Перемена. Все галдят. Кто-то смотрит на Сержа и кричит ему что-то. Кто-то звонит по телефону, кто на телефоне же играет, другие развалились на парте. Словно седьмой класс это, а не одиннадцатый, выпускной.

Дина не отрывает взгляд от себя. Она хорошо видна с этого ракурса – Серж старался охватить помещение целиком. Обычная картина с необычного угла. Дина сама себе кажется жутким заморышем, неопрятной, непричесанной.

Это я? Это я?

Серж кашлянул. И тут сердце Дины куда-то провалилось. Она исчезла. Только что сидела на стуле, опираясь спиной о стену, и смотрела на противоположную сторону класса, на окна. И вдруг ее нет. Пропала, точно не было.

– Стоп, – сказала Дина.

Серж этого ждал, поэтому не прозевал. Картинка замерла. На стоп-кадре была полоска, но она шла по верхней кромке экрана. Дина хорошо видела пустое место.

В комнате молчали оба.

– И в чем дело?

– Не знаю. Ты пропадаешь из кадра. Ты была там, я помню.

Дина посмотрела на него, не соображая, он шутит или всерьез. Лицо Сержа было бледным, за исключением скул, где выступили яркие красные пятна.

– Я там была, конечно, была... У тебя там дефект записи.

– Нет там ничего. Так не бывает, если бы дефект, то он повлиял бы на все остальное.

– А... если какой-нибудь блик?!

– Успокойся.

– Да я спокойна! – вскрикнула Дина. – Я так спокойна, что у меня сейчас дым из ушей пойдет! В чем тут дело, а, говори! Поприкалываться захотел? Кто тебя из наших надоумил?

– Никто...

– Сам, значит!

– Нет. Да ничего я такого делать не собирался. Чтобы вот так убрать человека из интерьера, нужна аппаратура, спецэффекты.

Дина показала на компьютер.

– А на этом нельзя?

– Можно... но я не умею. Да мне-то это зачем?

Дина вырвала пульт у него из пальцев. Серж покосился на него, не желая получить этой пластмассовой штуковиной по голове. Девушка нажал на кнопку воспроизведения и села на пол перед телевизором.

Пленка пошла дальше. Над партами пролетела брошенная кем-то книга, раздался смех. Дина не сводила глаз с того места, где должна была находиться. В какой-то момент, когда ее образ проявился вновь – выскочил из пустоты, показалось, что воздух завибрировал.

– Видел, да? – вырвалось у Дины.

– Да, – шепотом сказал Серж, сидящий на кровати.

Что же она делала и чувствовала в ту минуту? Скорее всего, обдумывала, как ей дожить до первого снега и не свихнуться в этом сумасшедшем доме. Обыкновенные мысли, появляющиеся каждый новый учебный год.

– Из-за чего это происходит? – спросила Дина, не оборачиваясь.

– Не имею понятия.

Она не сводила глаз с экрана. Снимая, Серж двинулся по коридору между рядами парт. Дина помнила, что он шел, держа камеру перед собой и глядя на выдвижной дисплей. Серж поворачивается, захватывает ее в кадр. Снова то же самое отрешенное лицо. Видит происходящее и в то же время будто отключена.

От этой картинки у Дины мороз по коже. Ей хочется остановить запись и больше ничего не видеть, уйти отсюда, сказав Сержу пару ласковых. Мешает ей только соображение, что это ничего не прояснит. Дина пробует обуздать свой страх, остановить его наступление, но это так же бессмысленно, как бороться с подступающей бурей. Свою дань он все равно возьмет.

– Можно остановить на совсем, хочешь? – сказал Серж.

– Нет.

Еще несколько видов класса, крупные планы физиономий одноклассников. Дину буквально воротит от этих картин. Она не подозревала, что все они могут быть такими мерзкими. Или все дело лишь в ее воображении, не в меру бурном?

Смена кадра, идет другая часть записи. Уже перемена между первой и второй парой русской литературы. Коридор.

Дина слышит дробную поступь собственного сердца. Пот так и льет с нее. Голова начинает раскаляться, жар идет от нее вниз, ползет по шее, плечам, по груди.

Этого еще не хватало! Дина дрожит, надеясь, что Серж ничего не заметит.

Он идет по коридору, снимает открытые классы, толпы народа. Гомон, свист. По центру коридора идет физик, здоровенный пожилой мужик, похожий ожившую болотную корягу. Бороздит толпу, словно ледокол, погружен в свои мысли. Походка тяжелая.

– Теперь смотри, – говорит он за спиной Дины.

Опять она в объективе камеры.

Что происходит? Я сейчас в обморок упаду! Опять то же самой, как на улице было и в книжном!.. Она прогуливается у подоконника, обхватив плечи руками. Подходит девчонка из класса.

Люда спросила, помню ли я, что там по алгебре, думает Дина.

Люда исчезает, Дина стоит одна. Камера снимает перспективу, а она попадает в правый угол экрана. За спиной у Дины появляется светло-серое пятно, больше всего напоминающее человека. Это видно по ногам, рукам и голове, однако очертания фигуры размыты, никаких подробностей не разглядеть.

Дина перестает дышать, неотрывно глядя в телевизор. В глазах появляется легкая резь.

Сгусток позади ее спины становится четче. На миг, короткий миг Дина видит глазные впадины, темные пятна на том месте, где располагается голова призрака. Неизвестное нечто повернуло «лицом» к Сержу. Между ним и Диной метра три-четыре.

Дина ждет от призрака чего-то, но тот просто стоит, не шевелясь. Приходит единственное сравнение – картонный силуэт человека, например, знаменитости, рядом с которым фотографируются. Мне надо было повернуться и положить ему руку на плечо. Улыбочка! Сейчас вылетит птичка.

«Привидение» держится на экране несколько секунд, пока камера не дергается.

– Меня толкнули, – прокомментировал Серж.

Когда Дина снова попадает в кадр, ничего рядом с ней уже нет. Она отворачивается от окна и шагает в сторону туалета. Серж пару секунд снимает Дину. И снова странная вещь – воздух вокруг нее шевелится. Единственное, с чем можно было сравнить, так это жар, поднимающийся от раскаленного противня.

Дина смотрит на экран, не понимая, что Серж взял у нее из руки пульт и нажал на паузу. Изображение застыло, горизонтальная зернистая полоса перечеркнула кадр. Последние несколько мгновений прошли для Дины незаметно. Жар. Может, это имеет отношения к ее приливам? Или к чему еще? Нет... здесь другое... все другое... Дефект пленки, глюки. Бывают же глюки в компьютере, когда система не хочет нормально работать, почему не может быть здесь?

Дина поднялась с пола, Серж тоже вскочил.

– Я принесу попить. Жарко здесь.

В самом деле? Отопительный сезон еще не начался. Откуда здесь так тепло?

Серж выскочил из комнаты, а Дина присела на кровать, поглядела на бутылку с минеральной водой. Зачем он побежал за питьем, когда есть это? Она тупо рассматривала этикетку, не в силах вникнуть в смысл написанного. Никакого розыгрыша нет, и это очень-очень плохо. Дина ощутила, как ее небольшой замкнутый мир начинает рушиться. Уже был первый толчок, а скоро землетрясение наберет силу... Лучше бы действительно это был прикол.

Серж вернулся с двумя большими стаканами пепси. Ледяной. Дина приняла стакан и поблагодарила. Когда она пила, лопающиеся пузырьки щекотали ей ноздри. После трех глотков стало немного лучше.

Теперь она могла оценить по достоинству то, что солнце выглянуло из-за облака и бросило в окно горсть света.

– Что ты думаешь по этому поводу? – спросил Серж.

– Не знаю. Ничего не думаю.

– Ну какие-то мысли у тебя есть?

– Никаких...

– Я не могу объяснить эти фокусы, с таким не сталкивался никогда, это на самом деле ни в какие ворота не лезет... – Серж пил пепси и смотрел в сторону. Красные пятна на его скулах сохранились, бледнее не стали. – Видишь, записалось хорошо, никаких дефектов нет, они нигде не появляются. Может быть, сама пленка внутри кассеты, но это вряд ли. Уверен.

Дина думает, что надо бы посмотреть запись еще раз и еще раз, но все внутри нее протестует.

– И ты ничего не видел, когда снимал?

– Ничего. Хм... Представляю, что бы поднялось, если бы это было видно... Не только мне бы на глаза попался призрак...

– Да какой призрак еще?

– Думаешь, это не привидение?..

Дина зло сжимает губы. Как же ему объяснить, что он глуп сверх меры?.. Иногда бывает, что парни просто бьют все рекорды по тупизму.

– А что? Разве в школе привидений не может быть? По-моему, им все равно, где селиться. Нам не понять...

– Призраков не бывает, – произносит Дина. Ей кажется, что собственный голос звучит неестественно. Будто из-под подушки, куда она засунула голову. – Что хочешь думай, – добавляет она. Я говорю?.. Это я говорю? Странное ощущение... Губы и голосовые связки работают помимо ее воли. – Что хочешь, но это не может быть привидением.

– Но...

Дина поворачивается к нему.

– погоди, давай договоримся. Если у тебя такая версия, то ты просто псих, иди лечи голову! Я ни о каких призраках не думаю, не знаю и не хочу знать. – На ее лице возникает улыбка, которая потрясает и обескураживает Сержа.

– Но ведь ты сама видела.

– Мне неизвестно, что я видела. – Она подумала и проговорила с бешеным огнем в глазах: – Ко мне это не имеет никакого отношения, понял?

– Я и не говорил, что имеет.

– Да, не говорил... а позвал меня с этой целью – все мне показать! Выяснить, кто я такая на самом деле... Я не пришелец, не вампир, не чудовище! Устраивает, ваше величество?!

Серж опустил взгляд в пол. Видно, что ему много хотелось сказать в ответ, но он сдерживался.

Это он по-джентльменски, это потому, что я девушка, думает Дина, рыцарь выискался... Гнев так и переполняет ее... а спустя мгновение тень сходит с ее сознания. Дина подняла руку ко лбу, вытерла с него испарину. Чувство жара постепенно исчезает. На лице появляется удивление.

Серж надавил ејест, и кассета выскочила из прорези в видеоманитофоне. Опять возникло неловкое молчание.

– Извини. – Дина прикоснулась к его руке. – Плохо спала, день неудачный, погода плохая, так вот всегда, нервы не в порядке. Школу эту ненавижу.

Серж кивает.

– Хочешь посмотреть дома? – Он протянул ей кассету, стараясь не замечать прикосновения Дининых пальцев.

– Нет. Страшно.

Серж смотрел ей в глаза, убеждаясь, что это не игра на публику. Он ясно видел ее страх.

– И тем не менее... это было рядом с тобой. Ты ничего не чувствовала тогда?

– Нет. – Ложь – не выход, но Дина знала, что пока рассказать ему правду не может. А разве когда-нибудь будет по-другому?

Да и, честно говоря, она не помнила своих ощущений.

– Тогда, наверное, это совпадение. – Серж повертел кассету в руках, потом засунул ее в футляр. – Получается, если призрак есть... то он живет в школе. Тогда надо снимать еще, вдруг это снова появится.

– Не будем же мы, как в кино, проводить расследование идиотское... а потом чтоб нас всех прикончили, – засмеялась Дина, но ей это смешным не кажется.

– Пойдем, покажу кое-что...

Серж безо всяких церемоний взял Дину за руку и повел в большую комнату.

– Когда я смотрел во второй раз, я услышал, как треснуло стекло. Думал, что-то там на улице брякнуло – мало ли, а потом увидел вот это... – Он остановился перед сервантом и указал на стекло в створке отделения для книг. Трещина в тридцать сантиметров длиной как бы обозначала нижний левый угол. – Звук был громкий... я не знаю, как смогу родителям объяснить.

Дина разглядывала фотографии, стоящие на полочке перед книгами. Ей казалось, что лица у домашних Сержа ошеломленные. Будто их неожиданно окатили ледяной водой.

– Понимаешь, что-то нехорошее связано с тем, что на записи. Я не хочу, чтобы оно было... Оказывается, такое случается не только в книжках или кино. И это вовсе не забавно.

Дина отступила от серванта. Она знала, что ей нужно сейчас сделать. Бежать отсюда. Бежать не задерживаясь ни секунды, иначе, она предощущала, может произойти что-то по-настоящему плохое.

Серж наблюдал за ней, за выражением ее лица. Его точно пригвоздили к месту.

– Ты никому об этом не рассказывал?

– Никому. Я решил, что это опасно. Я шепну одному, а они разнесут по всей школе. Такая свистопляска начнется!

Дина еле-еле улыбнулась.

– Ты молодец. Правильно сделал, иначе... нам бы обоим не дали покоя.

– Выходит, телепатия.

– Мне идти надо, – сказала Дина.

– Слушай, вот ты когда там пропадала из кадра, не помнишь, может, что-то такое необычное с тобой происходило?

– Нет, честное слово. Я просто сидела, и мыслей никаких не было в голове.

Дина пошла за рюкзаком в комнату Сержа, взяла его и сунула внутрь бутылку с минеральной водой.

Серж наблюдал за ней, стоя в дверях и запустив руки в карманы.

– Точно не хочешь посмотреть кассету?

– Лучше разбей ее, выбрось, сожги – сам сказал, что это не к добру.

– Но все-таки. Может быть, дать информацию этим, кто занимается паранормальными исследованиями?

– Не смей! Если бы там не было меня, то мог бы послать, а так не вздумай, – сказала Дина. – Ты понял?

Серж кивнул.

– Уничтожишь ее?

– Да.

– Смотри!

Дина быстро прошла мимо него и в прихожей стала натягивать ботинки.

– Ты мне позвони, если что, – попросил Серж. – Ну, вдруг вспомнишь детали.

– А кто тебе мой сотовый дал?

– Ленка Зайцева.

– Подружка твоя. Понятно.

– Да не подружка она мне, просто так. Иногда общаемся.

Почему-то про нее сейчас было думать неприятно. Дина выпрямилась, надела рюкзак.

– Можно мне просто так позвонить? – спросил Серж. – Пообщаемся.

– Нет.

– А что такого?..

– Нет.

Серж открыл дверь, и Дина вышла на площадку.

– Я все-таки позвоню.

– Нет. – Она быстро побежала по ступенькам.

4

Все-таки ей не повезло. Стоило подойти к остановке, как солнце спряталось за тучи и полилась холодная вода. Зонта у Дины не было, поэтому за те десять минут, пока не приехал трамвай, она вымокла почти насквозь. И нигде не спрячешься – ни специального навеса, ни крылечка магазина поближе, ничего. Все в порядке вещей.

На остановке больше не было ни души. Настроение упало до минусовой отметки. Дина чувствовала себя как боксер, вышедший на ринг не в лучшей форме и компенсирующий злостью недостаток сил. Она стояла на асфальтовом пятячке и стойко сносила удары дождевых волн. В довершении, вода стекала ей за шиворот, еще сильнее «поднимая» настроение.

Внутри трамвая был сырой вонючий воздух, смесь запахов, исходящий от промокших злых пассажиров. Пот, одежда, дезодоранты, аромат жевательной резинки. Дину чуть не вырвало. Она села у окна, раздраженно помахала в сторону кондуктора проездным билетом и всю дорогу скрипела зубами от злости.

Перед домом во дворе горели бело-голубые фонари. Кто-то посчитал, что сейчас для них самое время. Странно они выглядели в такую погоду. Воздух пропитался водой, дождь хлестал по асфальту, и Дина шла напрямую по лужам, просто потому, что сухих мест не осталось.

У подъезда она перевела взгляд на фонари. Те вылупились на нее и словно чего-то ждали. Девушка стиснула кулаки. Тревожное чувство отчасти вернулось, воспоминания и мысли о том, что запечатлелось на пленке, колотились во все запертые двери. На этом ничего не закончилось, скорее наоборот.

Дина вздрогнула. Ей показалось, что за спиной опять кто-то идет, шлепает в такт с ее шагами. Она обернулась, встречая пустоту лицом к лицу.

Здание высится темно-серой массой, последние этажи теряются в водяной круговерти. Дом похож на горный хребет, протянувшийся с севера на юго-запад.

Странно, здесь живет много народа, но Дина, как правило, не видит соседей и не слышит их голосов. У каждого своя жизнь, свой маршрут передвижений в пространстве, и пути эти редко пересекаются. Для каждого существует только личная вселенная.

Вид у девятиэтажки мрачный, прямо-таки готический. Во дворе никого нет, пейзаж выглядит покинутым, заброшенным, как после катастрофы. Одного взгляда хватает, чтобы вызвать острое чувство обреченности.

Наверное, все попрятались за надежными стенами и ждут спокойного времени, думает Дина. Надеются на солнце и тепло.

Дина открыла дверь ключом-пластиной и вошла в сумрачный неосвещенный холл. Прогулялась к почтовым ящикам. Ни одного письма или газеты. В подъезде царит тишина и витает привычный для таких мест запах, определить состав которого невозможно.

Дина отправилась к лифту, оставляя на сухих бетонных ступеньках мокрые следы и мечтая только о кружке горячего чая. Побейте домой! Холод пронизывает. Мокрая одежда вытягивает из тела оставшееся тепло. Спрятав руки в рукава куртки, девушка обхватывает себя за плечи. Зубы стучат друг об друга.

Палец давит на металлическую кнопку вызова лифта, наверху работает мотор. Дина озирается, испытывая дискомфорт. Место это кажется чужим, словно она зашла в другой подъезд.

На первом этаже, справа и чуть позади лифтовой шахты, расположены только две квартиры. Ожидая лифт, Дина осмотрела обе двери и задержала взгляд на той, что ближе. Похоже, она опечатана. Хотя нет, пломба когда-то была, но сейчас сорвана. С первого взгляда возникает ощущение, что за этой дверью давно никто не живет. Нервные окончания безошибочно реагируют на пустоту...

Дина ничего не слышала от том, что в их подъезде была пустая закрытая квартира. Судя по всему, таковой она стала недавно, но вот когда? Если с этим связана какая-то история, почему об этом не трезвонили на каждом шагу? Впрочем, Дина догадывалась, в чем причина. Она не имела понятия, как зовут соседей по площадке, и сколько их живет за стенкой. Семьи не общались, как в большинстве случаев, и не испытывали в этом никакой необходимости. Такая ситуация была повсеместной, и стоит ли тогда удивляться, что новости прошли мимо Дины.

Дверь навевала странные мысли. Казалось, смотришь в глубину темной пещеры.

Лифт открылся, но Дина словно и забыла про него. Ее тянуло к двери, взглянуть хотя бы одним глазком, прикоснуться к чему-то непонятному и пугающему... Интуиция ее не могла ошибаться.

С этим должно быть связано нечто нехорошее.

Дине приходили на ум различные ассоциации, она выуживала из памяти какие-то разрозненные воспоминания, не принадлежащие лично ей... Умиравшие люди остаются в своих жилищах до тех пор, пока соседи не чувствуют просачивающийся сквозь стены запах разложения. Квартиры, в которых происходят убийства. На полу остаются кровавые пятна, на обоях засыхают крошечные куски мозга и кожи. Внутри пахнет смертью...

Что происходит с этими квартирами потом? Ясно: опечатывают. Когда следствие завершается... кто его знает, но сейчас эта жилплощадь пустует, это факт.

Несмотря ни на что, любопытство брало свое. Дина подкрадывалась к двери. Ноги шли сами, ее тянуло точно магнитом. Створки лифта сомкнулись. Раздался грохот, эхо разнеслось от первого до последнего этажа.

Дина подождала, когда успокоится сердцебиение. Теперь она стояла прямо перед дверью и с рассматривала ее с каким-то непонятным благоговением. Она вспомнила сон. Там все дверные проемы были голыми, были похожи на разинутые рты. Эта наоборот – напоминала плотно сомкнутые старушечьи губы.

Сверху железо покрывали ребристые деревянные рейки шириной три с половиной сантиметра. От этого дверь казалась полосатой, точно матрац. Покрашено дерево было прозрачным лаком. Причем неровно, словно наспех. Ничего с виду примечательного, дверь как дверь. Проволока от пломбирования все еще болталась. Ее ухитрились просунуть в узкий зазор между краем стены и стальным косяком, с другой стороны проволока цеплялась за ручку. Самой же свинцовой пломбы не было.

Станный здесь стоял запах. Дина прикасается пальцами к металлической полоске и тут же отдергивает руку, когда чувствует слабый, но неприятный удар по подушечкам пальцев.

Электрический низковольтный ток – лишь с этим она могла сравнить возникшее ощущение. Дина посмотрела на пальцы и не нашла никаких следов, а потом прикоснулась точно также к деревянной поверхности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.